

ISSN 0130 6375

ИСКРА

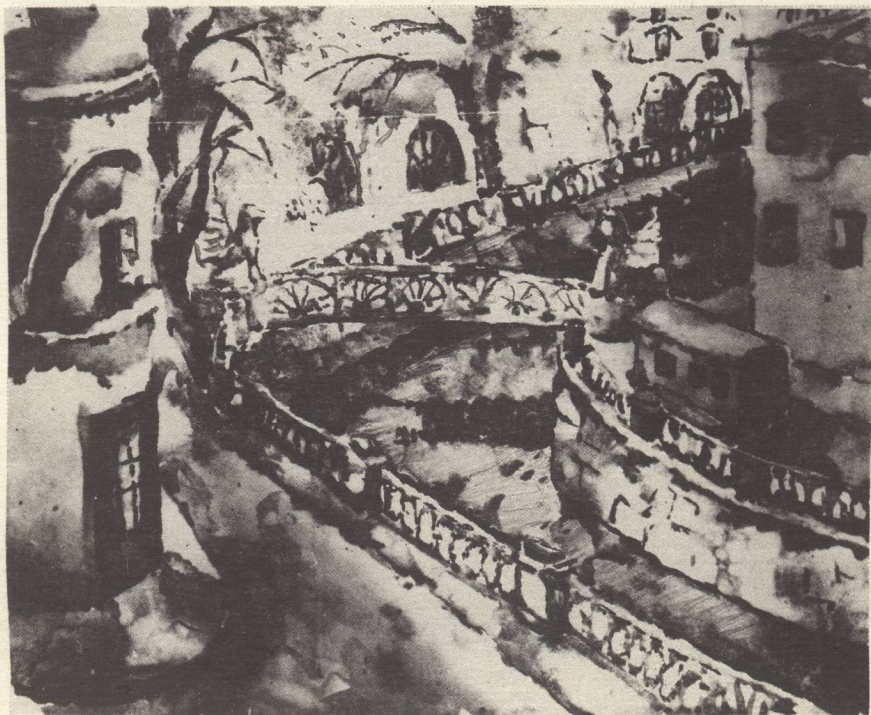
5 МАЙ
1986

ДЕТИ
РИСУЮТ
МИР

"Майский праздник." Шитикова Тоня, 11 лет.

"Какань Трибосова." Агафоновна Ира, 13 лет.

ИСКРА

5 МАЙ
1986

ИЗДАЕТСЯ
С 1957 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНИК
газеты
Ленинские
искры;
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И. Ленина

Четыре баллады о русских воинах

Виктор МАКСИМОВ

Баллада третья СЫГРАЛ ТРУБАЧ «ТРЕВОГУ»

Кубанка набекрень,
горячий конь да шашка —
что набодно ещё
рубаке на войне!
Ну, разве чтоб сыграл
трубач Васильев Пашка
под вечер про страну,
что вся горит в огне.

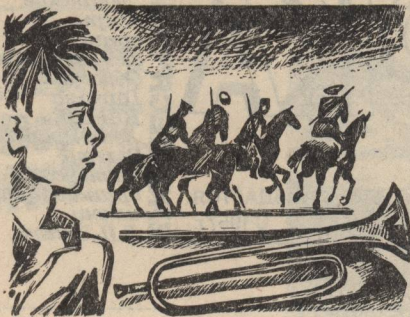
Ах, сколько песен знал
пацан из Петрограда!
Но были у него
заветные, свои:
когда он брал трубу —
стихала канонада,
пристыженно в садах
смолкали соловьи.

И, оборвав мотив,
вздыхал он, глядя в небо.
Другой бы нос задрал,
а он вздыхал, чудак:
— Эх, жаль — не та труба!
Вот золотую мне бы,
тогда бы я, братва,
сыграл ещё не так!..

К награде неспроста
комбриг его представил,
любимые часы
снял со своей руки:
под Жмеринкой в степи
играл «атаку» Павел, —
а где-то под Читой
бледнели «беляки».

...Передохнуть полку
война давала редко.
Перекурить и то
не довелось полку:
под Збручем нарвалась
на «беляков» разведка,

и Пашкин вороной
споткнулся на скаку...

Вот так он в плен попал,
трубач из Первой Конной,
совсем ещё пацан,
лишь над губой пушок.
Казачий генерал
воскликнул изумлённо:
— Мы думали — петух,
а это — петушок!

Был генерал плешив,
и был вихрастым Пашка.
Давно устал старик
с такими воевать.
Так Пашке он сказал:
— А ну-ка, спой нам, птишка!
А там уж поглядим,
куда тебя девать...

Штабному трубачу
его трубу вернули:
ну, что ж, мол, — испытай
трубой свою судьбу!..
А Пашка был такой —
он не боялся пули,
и лысых «беяков»
видал трубач в гробу.

Он вытер кровь с губы,
одёрнул гимнастёрку,
и «беяку» в лицо
чуть слышно прошептал:
— Компоту захотел?
Так на тебе кашторку! —
И заиграл трубач
«Интернационал».

Был голос у трубы
и молодой и властный!..
Угрюмо брови свёл
казачий генерал:
— А ты не петушок,
ты дьяволёнок красный!
Хвалю за то, что смел:
отменно ты сыграл.

Но красным никогда
не одолеть Антанту!
Ты, мальчуган, — трубач,
а я люблю детей..
Зачислить молодца
на службу в музкоманду!
Да всыпать подлецу
горяченьких плетей!

На третий день трубач
очнулся в лазарете.
То свист в ушах, то смех:
«Эх, малый, засеку!..
Лощёный офицер
сидит на табурете,
колечки изо рта
пускает к потолку:

— Да разве это плен?
Нет никакого плена.
У нас с тобой, дружок,
особенный маршрут:
возьмём Москву — и в путь!
Париж, Берлин и Вена
такого трубача
на лучших сценах ждут!

Весь мир у наших ног —
от Пензы до Китая! —
Футляр он приоткрыл:
— А ну, гляди сюда!.. —
На бархате труба
сияет золотая
да так, что обо всём
забудешь навсегда!

Ах, как он приуныл,
пацан из Петрограда!
Мадрид, Варшава, Рим...
Битком набитый зал...
А что ещё, скажи,
артисту в жизни надо?
Ну, разве чтоб Москвы
вовек «беляк» не взял!

Ну, разве чтоб враги
не жгли родную хату,
у пленных на груди
не резали звезду!..
Вот к ночи принесли
разведчика в палату.
Он хрипло бормотал
в горячечном бреду:

— Дозвольте доложить!
Штаб красных в Кочетовке...
Так точно!.. Пушек нет...
Так точно!.. Мы ползком...
На пять солдат у них
всего по три винтовки...
На фланге пулемёт...
вот тут — за бугорком...

С кровати Пашка встал,
и стало Пашке худо —
как в пушечных стволах,
в очах его темно.

И прошептал трубач:
— Он всё прознал, иуда! —
И застонал трубач
и распахнул окно.

По спящему селу
орудия катились,
по спящему селу
ползли броневики,
скакали казаки —
улыбочки светились,
пехота бодро шла —
щетинились штыки.

Проехал генерал,
и, как воронья стая,
галдя, промчалось вслед
за ним офицерье.
...На бархате труба
сияла золотая.
И осторожно взял
штабной трубач её.

В урочном месте ждал
казачий полк подмогу.
Лазутчики ползли
к постам в урочный час...
Но заиграл трубач
на всю страну «тревогу» —
последний свой сигнал,
последний в жизни раз!

Расстрелян был в ту ночь
пацан из Петрограда.
Зарублен был в ту ночь
казачий генерал.
...А что же нам с тобой,
мой друг, от жизни надо?
Да чтоб вовек не смолк
«Интернационал»!

Рис. Л. Уральской

Требовательная профессия

К 50-летию Михаила Сергеевича Глинки

Говорят: не место красит человека, а человек место. Развивая эту мысль, можно добавить: не профессия красит человека, а человек профессию. Мол, не то важно, какую профессию ты избрал, а то важно, как ты этой профессией владеешь, насколько стал ты мастером своего дела.

Всё это верно. Но тем не менее, мне кажется, существуют профессии, которые, образуя говоря, человека красят. Скажи, например, «он — лётчик» или «он — сталевар» и сразу мысленно представляешь себе человека мужественного, смелого, решительного. Одним словом, профессия профессии рознь. Есть профессии словно бы снисходительные к человеку, а есть требовательные, такие, что нужно ещё стараться и стараться, чтобы быть достойным своей профессии.

Такова и профессия военного моряка. Впрочем, профессия ли она? Ведь человек, принимая решение стать военным моряком, выбирает не только будущую свою работу, не только дело, которым предстоит ему заниматься, но и образ жизни, и стиль поведения, и в какой-то мере даже характер. Если по каким-либо причинам впоследствии человеку этому придется избрать другой жизненный путь, отпечаток прежней принадлежности — морю, кораблю, военно-морскому флагу — остаётся с ним навсегда. Я не знаю точно, по каким таким чёрточкам и свойствам характера, но человек, некогда носивший морскую шинель, узнаётся всегда. Так в писателе Михаиле Сергеевиче Глинке до сих пор, мне ка-

жется, проглядывает военный моряк.

Ещё мальчишкой, подростком, Михаил Глинка стал нахимовцем. Тот, кто помнит первые послевоенные годы, хорошо знает, как звучало тогда это слово — «нахимовец»! Сам Михаил Глинка так рассказал о том времени:

«Нам было по пятнадцати лет. Мы впервые вышли в море на парусной трофейной шхуне... В восьмидесяти метрах под нами лежат ржавеющие корпуса кораблей, потопленных шесть-семь лет назад. Всё кругом полно отголосками войны, и Берлинский коридор на краю той карты, которая висит в рулевой рубке, протраплен в минном поле. Позавчера нас полдня не выпускали из Кронштадта: на форватере нашли неразорвавшуюся глубинную бомбу. А вчера, после Таллина, мы обходили стороной эсминца, бивший из сорокапятки по всплывшей рогатой мине.

И всё-таки кругом мир».

Так он рассказал о том времени. А так — о своих тогдашних воспитателях:

«У командира роты Васильева все передние зубы были вставны-

ми. Может быть, поэтому он улыбался очень редко.

Сорок первый год застал его на третьем курсе. Училище было брошено на фронт. После новороссийского десанта Васильев полгода валялся по госпиталям — всё лицо его было разбито затыльником приклада...

Воспитатели, бывшие фронтовики, были под стать тому суровому времени. Они не терпели слабости и малодушия, они знали, что такое фронтовое товарищество, что такое мужество и настоящая мужская выносливость. Они хотели видеть своих воспитанников мужчинами и настоящими моряками. И потому они не щадили их, не делали скидок и не давали поблажек. Они знали: море ещё предъявит когда-нибудь свои требования к нынешним нахимовцам. И они были правы в этой суровой требовательности. Потом, уже став писателем, Михаил Глинка расскажет об этом. И о чём бы ни писал он, к каким бы темам ни

обращался, то послевоенное время навсегда останется для него точкой отсчёта, а характеры людей, прошедших войну, всегда будут главным эталоном человеческой ценности.

Михаил Глинка давно уже не носит морскую форму. Одну требовательную профессию он сменил на другую — не менее требовательную. Потому что профессия писателя тоже требует от человека всей жизни без остатка. И ещё она требует честности и мужества, умения не падать духом при неудачах и не слишком гордиться, испытыв успех, требует упорства и трудолюбия. И каждая новая книга для писателя — как экзамен. И чем опытнее писатель, тем серьёзнее и сложнее становятся эти экзамены. Потому что задачи он задаёт себе сам. Михаил Глинка — из тех людей, кто не ищет лёгкого пути: такую закалку он получил ещё в юности. И оттого, я убеждён, — его главные книги ещё впереди.

Борис НИКОЛЬСКИЙ

БЕЛЫЙ ФЛАГ

Спал Митя часа четыре. Он не слышал, как множество раз забегали в палатку то за тем, то за другим ребята из его взвода, не

Продолжение. Начало в «Искорке» № 6—8 1984 года; в «Искорке» № 8—12 1985 года.

МИХАИЛ ГЛИНКА ПЕТРОВСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

ЧАСТЬ III

РИСУНКИ

Ю. ШАБАНОВА

слышал, как пришёл Толя Кричевский и что сказал Кричевскому заглянувший в палатку Тулунбаев. Проснулся Митя сам. В застёгнутой на все костыльки, жёлтой от солнца палатке было душно. Митя прислушался. В лагере стояла непривычная тишина.

— Выспался?

Митю поражала Толина особен-

ность — после ночных дежурств Толе не требовалось отсыпаться: чуть приляжет, слегка вздремнёт — и всё, не то, что Митя, который ходит потом целые сутки, словно уши заложило.

— Угу, — сказал Митя.

Склянки у грибка на линейке отбили половину одиннадцатого.

— Вставай! Нам в одиннадцать быть в штабе, — сказал Толя.

В штабе они узнали, что их имена уже внесены в приказ, который будут зачитывать после окончания военной игры. Благодаря их донесениям защитники заняли самые дальние от лагеря рубежи обороны. Теперь все ждут атаки. Неизвестно только, когда она начнётся. Вот это-то и требовалось теперь узнать.

— Раз уж у вас так удачно пошло... — сказал Тулунбаев.

Короче говоря, Толю и Митю опять посылали в разведку. Теперь, когда «противник» высадился и растёкся по лесу, надо было обходом проникнуть во «вражеский тыл», а затем, определив по передвижениям и действиям «противника» момент его наступления, спешно перейти линию «фронта» и сообщить своим.

— Всё, — сказал лейтенант. — На камбуз — и сразу в лес. Воду в лесу пить только проточную. Удачи!

В столовой ребята съели слегка подсохший завтрак, затем, уже впрок, слегка недоваренный обед и получили с собой по банке тушёнки.

— Ножик есть? — спросил камбузный мичман. — Нет? А как банку откроешь?

— У него есть.

Но Толя нагнулся к уху Мити и прошептал, что идут они теперь порознь.

— Н-а! — пренебрежительно сказал мичман и кинул на стол старую консервную открывалку. — Вернуть не забудь! Шепчутся ещё. Разведчики!

Однако ни тушёнка, ни открывалка Мите не понадобились.

Три часа спустя Митя лежал за придорожными кустами, наблюдая, как по просёлочной дороге приближается строй «противника».

Митя решил пересчитать тех, кто пройдёт мимо, и запомнить командиров — а потом напрямую через лес... Митя лежал не дыша, только сердце стучало. Вот бы заработать ещё и вторую благодарность в приказе! Если бы сейчас шла настоящая война — это, считай, медаль. Самое меньшее — «За отвагу». Или даже орден. Ну, может, не очень главный, но всё же...

Голова колонны уже миновала кусты, за которыми так замечательно спрятался Митя, как вдруг, посмотрев в сторону, он увидел, что одновременно сдвигающимся по дороге строем, движется длинная сторожевая цепь, прочёсывая всю придорожную, покрытую редким кустарником окрестность. Митя увидел сразу несколько человек. «Враги» шли, осматривая кусты, канавы, папоротник. От человека до человека в цепи было метров десять, не больше.

Бежать было поздно. Даже влезть поглубже в куст Митя уже не мог — стояло безветрие и шевеление куста сразу бы его выдало.

Дозорная цепь приближалась. Что мог сделать Митя?

Броситься к лесу? Но по бегу, как и по остальным видам спорта, Митя ходил в середнячках. Кое-кто во взводе бежал хуже Мити, но кое-кто и намного быстрее... Мимо Мити двигалась целая рота, которая сразу же за ним понесётся. Рота при этом была старшей. Догонят.

Нет, не дано ему было тут совершить никакого геройства. Была лишь одна еле тлевшая надежда, что каким-то чудом его не заметят, хотя сам он, если бы его послали вот так шарить около дороги, разве бы прошёл мимо?! Останься на его месте одна его консервная банка — и та была бы найдена...

Митя глубже подмял под себя предательски белую бескозырку,

«Митя увидел сразу несколько человек. «Враги» шли, осматривая кусты, канавы, папоротник».

вжал голову, скорчился в комок. Сквозь шаги по дороге он всё яснее слышал треск сучьев и шелест папоротника под ногами сторожевых. Для большей маскировки Митя спрятал в согнутые руки лицо, и, наверное, потому, что он уже не видел подходивших к нему, ужас, который он сейчас испытывал, из «игрового», ненастоящего, каким и должен бы он быть — не война всё-таки, в войну лишь играли, — перешёл в ужас самый что ни на есть истинный. Мгновенно сырой стала тельняшка, и страшно, гулко стало бить в висках. Митя погибал, и погибал глупо, бессмысленно, ничего не успев ещё сделать... «Чудо!» — взмолился Митя.

Шаги замерли над ним. Тут же приблизились ещё одни, быстрые. И тоже замерли.

— Встать! — скомандовал чей-то сиплый торжествующий голос. — Ну, встать, гад!

Всё, что было дальше — как Митя, лишь привстав, бросился в сторону, как его тут же подсекли и он, заплетаясь ногами, рухнул в папоротник, как на него навалились эти двое, а потом и ещё кто-то и ещё, как расхристанного, уже без пуговиц на штанах и почему-то с кляпом во рту, сделанным из его собственной бескозырки, вывели на дорогу к весело гогочущему строю, — все это было как сон. Это и с Митей происходило, и совсем не с ним. И эту злосчастную тушёнку теперь предъявляли как свидетельство шпионских намерений.

В плену Митя провёл остаток дня, вечер и ночь.

Сначала со связанными сзади руками он плёлся позади строя между двумя конвоирами, потом на привале, хоть чужой командир роты и бросил реплику, что это уже лишнее, Мите связали ноги. Отряд, так Митя понял, дальше двигаться не собирался, ждали какого-то общего знака. Тем временем наступил вечер и налетели комары. Их было не так много,

как в июне, но как, оказывается, человеку необходимы руки! Мотая головой, как лошадь, связанный Митя сидел на пне. Вчера муравьи, сегодня комары, странная какая-то жизнь наладилась.

— Дай честное слово, что не убежишь — тогда развяжем, — сказал один из тех, кто его стерёг.

Но Митя молчал. С врагами он говорить не собирался. «Вот придут наши, освободят, — думал он. — Увидят сами, как меня тут мучают...» А комары в это время жрали Митю нещадно.

— Как же мы тебя развяжем? — наблюдая дёргающегося Митю, сказал тот, сиплый, что его поймал. — Ноги развязать — ты уйдёшь, руки развязать — ты и ноги развяжешь. Не спать из-за тебя, что ли?

И караульные заснули у костра.

Митя промучился часа четыре, а потом, когда понял, что среди ночи никто и не думает ни в наступление идти, ни освобождать его, пленного, то, перекатываясь с боку на бок, отполз в сторону от костра. Найдя пень, он принялся перетирать о краешек пня верёвку на руках. Тут его и обнаружил проснувшийся конвоир. Митю приволокли к костру и заново затанули руки, затанули ещё туже.

Митя скрипел зубами. Кисти онемели скоро, потом онемели локти, затем стали неметь плечи. Вскоре Мите стало казаться, что кровь у него движется всё медленнее и вот-вот остановится. Пришёл ужас. Если останавливается кровь, то ткань мертвеет, может быть, и сейчас его руки уже не спасти... Плечи неметь всё больше.

Защитники лагеря так и не наступали. Да и зачем? Они сидят в глухой обороне, сами ждут атаки...

«Все играют. А я? Я-то как? Все играют, а я останусь без рук? Ведь и отмороженные конечности отнимают только потому, что прекратилось кровообращение...»

— Эй! — позвал Митя. — Эй!

Ещё и не дозовёшься. Митя подкатился к конвоиру, толкнул его.

— Развяжи! Эй!!

— Будешь орать — рот заткну! — добродушно со сна пробормотал силпый.

— Развяжи!

— Ещё чего?!

— Развяжи, говорю!!

— Тихо! Тихо тут!! — конвоир привстал и сильно тряхнул Митю за плечи. — Смотри, правда рот заткну!

Через полчаса Митя дал слово силпому, что никуда не убежит. Его развязали.

На рассвете прибыли парламентёры. Строгий Тулунбаев в сопровождении Толи и Ларика привёл двоих пленных. Пленные смотрели в землю. Ларик держал над ними палку с привязанной к ней белой тряпкой. Толя держал две связанные ленточками бескозырки.

— А у нас тут ваш только один, — простодушно сообщил вражеский командир роты. — Но поменяться можем. Он нам больше не опасен.

Митя надеялся, что Тулунбаев не расслышал последних слов. Но когда они были уже в лесу, лейтенант взял из рук Ларика белый флаг и отдал его Мите.

— Н-а, Нелидов, теперь ты неси, — сказал он. Глаз лейтенанта Митя не поймал. И Ларик отвёл взгляд. И Толя.

— А мы не зря за тобой ходили? — вдруг спросил лейтенант. — Тебе вроде там не так уж плохо было?

И флаг парламентёра в тот же миг превратился в Митиных руках в знак капитуляции. Все трое, оказывается, видели, что Митя побеждён.

Мите хотелось заорать, зарыдать — им-то хорошо! Их-то не валили по кустам, им не всовывали в рот скомканный суконный околыш, их не связывали так, как

связывали его... Вон у него на руках и на ногах рубцы! Рубцы от верёвок, от которых только лишь час назад его освободили! А промучился он всю ночь! Всего какой-нибудь час не дотерпел! Приходили бы на час раньше — увидели бы его связанным, может, даже с кляпом во рту! Вам такого надо было увидеть?! Так что же вы не шли? Чего ждали? Пока руки у него отвалятся? И тогда бы он был героем? Так он и был... Почти до конца.

Митю качало, он не понимал уже, зачем и кому понадобилась эта дурацкая военная игра, после которой ему уже не хочется жить. Но что же всё-таки значит молчание лейтенанта? И Толи? И даже Ларика? Что они хотят сказать? Что ждали от него иного? Что он останется каменным до конца? Даже когда не останется никаких шансов? Даже когда в борьбе уже нет никакого смысла? «Но зачем? Зачем?» — думал он.

— Чтобы самим собой остаться, — вдруг сказал лейтенант. — Вот зачем. Дай сюда!

Взяв у Мити из рук палку с белой тряпкой, лейтенант бросил её в кусты. Повсюду из засад уже выглядывали свои. Они подходили к шлагбауму.

— Ну что, выручили любимчика? — спросил Папа Карло, когда они прибыли в штаб.

— Выручили, — ответил Тулунбаев и лишь здесь положил руку Мите на плечо. — Двух небитых отдали за этого битого.

«ВЕСЛА НА ВОДУ!»

Слухи о том, что Папе Карло долго у них не быть, ходили по роте чуть ли не с первого дня, как они поступили в училище. Но время ползло и ползло, и им уже стало казаться, что Папа будет у них всегда. Так он откомандовал ими три года. Но потом его всё-таки забрали у них и повысили.

Новый командир роты капитан-лейтенант Васильев прибыл

неизвестно откуда. То есть с флота, конечно, он прибыл, откуда же ещё, и это была лучшая из рекомендаций, однако ничего хорошего о том, кто встал на место Папы Карло, слышать они не хотели. У Васильева было бледно-серое лицо и вплющенный в лицо нос. Никто и ни по какому делу к новому командиру в первые дни не обращался. Был он беловолос, широкоплеч и, почему-то казалось, страшен в ярости. Впрочем, в ярости никто ни разу его не видел. Из связанных с ним эпизодов Митя Нелидов запомнил только один. Произошло это на летней корабельной практике.

Училище владело двумя учебными судами — шхунами «Учёбой» и «Надеждой». Всю предыдущую зиму рота учила паруса и устройство «Учёбы». Парусное её вооружение идеально совпадало с тем, что чертится на показательных схемах типовых шхун. «Учёба» имела безотказную и простую в обращении машину и десяток классических косых парусов, — триселей, топселей и стакселей. На «Учёбе» держал свой флаг начальник морской практики. Впрочем, флага, как такового, у начальника практики не было — он держал на «Учёбе» свой чемодан. Не очень-то она была велика — их «Учёба», но её снимали в фильмах об училище, а для морского парада, всю расцветив флагами, выдвигали к Кировскому мосту.

Зимой считалось, что в море на «Учёбе» летом отправится вся рота. В июле, когда пришла пора списывать по кубрикам отделения и взводы, выяснилось, что шхуна всех взять на борт не может.

— Шестьдесят человек, — сказал её командир. — От силы, быть может, семьдесят.

Но рота хорошо училась и за три года почти не уменьшилась. В роте-то их по-прежнему было сто. И командование с неохотой вспомнило о «Надежде».

В прошлом личная яхта кого-то

из фашистских главарей (название, конечно, раньше было другое), эта шхуна в училищном курсе наук не изучалась. Документации и инструкций по управлению судном «Надежда» не имела — видимо, всё это было сожжено со многими другими бумагами в мае сорок пятого. И если в парусах и такелаже «Надежды» капитан второго ранга Рюмин, их преподаватель военно-морской подготовки, и голубоглазый лейтенант Лагунов, назначенный командиром шхуны, в конце концов разобрались, то машина шхуны по отношению к двум представленным к ней мотористам вела себя, как избушка на курьих ножках, — хотела становилась к ним передом, хотела — так и задом. Механизм этот был, по общему мнению механиков, загадочный и непредсказуемый.

Но делать нечего — на «Учёбе» места для всех физически не хватило, и тридцать человек из Митиной роты пошли в море на «Надежде». И с ними пошёл старый Рюмин, всё понимающий в парусах, и с ними же почему-то, оставив большую часть роты на командиров взводов, пошёл на «Надежде» командир роты Васильев.

...Ранним июльским утром шхуны вышли из Невы в Финский залив. Парусов до Кронштадта планировалось не ставить.

— Это уж потом... — говорил Рюмин.

Но над заливом стояло жаркое безветрие, совершенно синее и всё более синеющее небо, небольшие кучевые и всё больше круглящиеся облачка...

Когда они проходили Кронштадт, Митя вспомнил, что где-то тут, чуть южнее, над полоской берегового песка стоит тот самый обрыв и, может быть, целая та самая пещерка, в которой он сиживал, ожидая извещения из училища. Как давно, неизменно давно это было! Целую жизнь тому назад! Митя вспомнил, конечно, и ту девочку, впрочем, что тут вспоминать — он видел их теперь вре-

мя от времени вдвоём, Шурика и её, разница в росте у них оставалась прежней — девочка была на полголовы выше Шурика. Митя столкнулся с ними как-то нос к носу, и Шурик пытался его познакомиться, но девочка посмотрела на Митю таким незамутнённым, таким безразличным взглядом, будто видела его впервые, и Митя, пробормотав что-то, обогнул их и ушёл поскорей. Встреча эта больно зацепила его, он-то считал само собой разумеющимся, что девочка, которую нашёл и отличил первым именно он, не может не помнить его, да и тогда на вечере улыбалась же она ему, не мог он перепутать, ему, ему она улыбалась, но вот встретились, а она смотрела на него, как на те деревья, которые стояли вокруг... Митя подумал тогда, что когда-нибудь он, конечно, скажет Шурику о её коварстве — ведь если она поступила так с Митей, то таким же образом может поступить и с ним, но, оглянувшись, он увидел их, уходящих по аллее, и такой удивительно стройной и недоступной показалась она ему, и так безнадежно неподходяще, каким-то младшим братишкой вышагивал рядом с ней Шурик, что Митя пообещал себе всё открыть Шурику не раньше, чем тот сравняется с обманщицей в росте... Девочка эта стала почти безразлична Мите, он вычитал недавно, что настоящая любовь бывает только взаимной, хотя несколько раньше таким же точно образом из другой книги он узнал, что истинно чистой может быть любовь лишь неразделённая. Но как бы там ни было, а мысль о том, что если на тебя внимания не обращают, так нечего вздыхать и тебе, показалась ему совершенно разумной. Митя решил уже, что не волнует его эта девочка, будь она хоть трижды балериной, и какое бы ни было у неё нежное и строгое лицо, но отчего-то теперь, на шхуне, когда тот берег, на котором он её увидел, проплывал от них всего в нескольких милях,

Митя ясно, и так, словно это было и сейчас перед ним, вспомнил, как ветер взметнул её широкую весёлую юбку.

От Кронштадта впервые разошлись до полного исчезновения из глаз берега. Митя, глядя вперёд, примерился приложить на открывшееся пространство уже знакомое ему озеро Ильмень. Ильмень лёг легко, ничего ни впереди, ни по сторонам не задев, — как носовой платок на городской площади. А до настоящего моря, судя по карте, было ещё две сотни миль. Впрочем, и сама Балтика, как ни говори, была морем внутренним, зажатым берегами, вся (если смотреть на карту) в веснушках сотен островов... Что же тогда такое океан?

Навстречу шли норвежские лесовозы, маячили на горизонте шведские сейнеры, шхуну обогнало огромное учебное судно «Комсомолец». Глядя вслед «Комсомольцу», капитан второго ранга Рюмин, костлявый старик с малиновым орлиным носом, сообщил, что сорок пять лет назад, когда это судно называлось ещё «Океан», он учился на «Комсомольце» брать первые пеленги. Сорок пять лет назад! По большим праздникам любопытные специально разыскивали Рюмина — на парадной тулупке его можно было увидеть беленький эмалевый «георгий»...

Финский залив до самого Таллина «Надежда» прошла вслед за «Учёбой» безо всяких приключений. Шли целые сутки. Около Таллина путь им преградил военноморской катер. Шхунам было приказано держаться ближе к берегу — мористее эсминец расстреливал всплывшую рогатую мину.

— Странно, — сказал Васильев. — Мы здесь хорошо тралили. Много раз.

— Может, из открытого моря принесло? — предположил Рюмин.

— Не исключено.

Из чего стало известно, что Ва-

сильев после войны был на тральщиках.

Шхуны держали путь на Лиепая — там назначена была встреча с рижскими нахимовцами. Предстояли соревнования, которые планировал ещё Папа Карло. В чём только они не должны были соревноваться — от перетягивания каната до знания биографии Павла Степановича Нахимова... Впрочем, до Лиепай Рюмин мечтал вдоволь поорать на них в рупор. Для этого, однако, требовалось всего-навсего одно, но необходимое условие — чтобы подул хоть слабенький ветер. Но над Балтикой продолжал стоять мёртвый, почти тропический штиль. «Надежда» вслед за «Учёбой» вышла из Финского залива, повернула к югу и, постукивая пока что исправно работающим двигателем, направилась к Рижскому заливу.

Старый Рюмин, лейтенант Лагунов и командир роты Васильев молча бродили по палубе. Запасные брезенты и парусина были вынуты из трюма и проветрены. Тросы размотаны, проветрены, собраны в бухты и вновь уложены в боцманские выгородки. Новые кисти для покрасочных работ, как требовала инструкция, обвязаны на одну треть. Затеянная викторина — когда флажным семафором шхуны обменивались каверзными вопросами, — не успев начаться, заглохла.

Над Балтикой стоял штиль. Искать фиктивную работу для тридцати пятнадцатилетних парней, которые действительно усиленно занимались в учебном году и которым предстояло через месяц снова на восемь месяцев врубиться в книги, ни Рюмин, ни Васильев не стали.

— Везёт вам, моряки, — вздохнув, произнёс Рюмин.

Васильев смотрел сумрачно. Как офицер, он, наверное, видеть не мог безделья подчинённых. Но в отличие от Папы Карло он не умел организовывать игр. И все полегли на палубе и на спардеке,

только камбузная смена работала, но и чистка картошки, и мытьё посуды тоже проходили на верхней палубе, неспешно, на солнышке, в трусах...

На шхуну накатывался ленивый обломовский сон.

Они шли так ещё сутки, и ещё часть ночи, и была всё такая же жара днём и то же безветрие, и вот на рассвете ровно бормотавший до сих пор двигатель вдруг поперхнулся, ещё несколько раз кашлянул и замолк. И часть Митиных товарищей продолжали спать, а часть их проснулись. Потому что в остановке двигателя — а они все были ребята военного времени — им померещилась тревога.

Дверь из кубрика на верхнюю палубу была открыта, и когда шуршание воды о борта стихло, на палубе раздался старческий фальцет Рюмина.

— Всё? — спросил Рюмин. — Прибыли?

— Да, похоже, — ответил лейтенант Лагунов.

Когда Митя выбрался из кубрика наверх, он увидел, что около трапа, ведущего в машинное отделение, вся палуба заставлена ящиками, ведрами, канистрами — мотористы расчищали пространство вокруг двигателя, готовясь к его разборке. Митя с робостью полез к ним. В машине пахло соляжкой, не успевшим ещё остыть масляным металлом. Мотористы, приготавливаясь, раскладывали ключи и прокладки. До чего бы было замечательно, если бы они и ему дали работу! Но они, лишь увидев, кто к ним лезет, отвернули от Мити головы и внимания на него не обращали.

— Товарищи военные, — сказал Митя.

Старшина нехотя посмотрел на него. У нахимовцев с матросами, обслуживающими училище, отношения складывались непростые. С одной стороны, звание нахимовец

«Митя взял две бескозырки и, встав на банку, просемафорил Васильеву, что на шлюпке теперь только пять уключин».

стояло будто бы самым последним в длинной лестнице морских званий и матрос был явно его старше, с другой — нахимовец являлся особенной куколкой, из которой со временем должен был вылупиться не матрос и не старшина, а именно офицер, поэтому старшинство матроса — и матрос отлично это чувствовал — было сиюминутным, не больше. Но понимая, что перед ними стоит тот, кому в будущем предстоит командовать матросами, сейчас-то матрос видел всё-таки мальчишку. Кто будет командовать? Этот?! Вот ЭТОТ?! Который с пуговицами справиться сам не может?

Мотористы, матрос и старшина, которым целых три дня удавалось заставлять работать загадочный двигатель фашистской яхты, и всё это лишь для того, чтобы тридцать пятнадцатилетних, как они считали, бездельников были зачем-то к определённому сроку доставлены в Лиепая, смотрели сейчас на Митю. Что ему тут нужно? Шёл бы он отсюда...

Но перед Митей был судовой двигатель, и открывалась редчайшая, может быть, единственная в своём роде возможность в нём покопаться.

— Товарищи военные... — как мог более почтительно и дружелюбно повторил Митя. — Можно я вам помогу? А за это я вам расскажу, как была устроена атмосферическая машина взрывного действия изобретателей Лебона и Лемуара... И первый газомотор Отто...

Митя произнёс эту тяжёлую тираду, словно цитировал; впрочем, почти точной цитатой его слова и были. И, как почти всегда бывает с человеком, если он произносит чужие, сбитые в непривычные для него фразы слова, Мите стало стыдновато, да так, что, договаривая, он даже прижмурился. Но последние три года воспитывали Митю моряки. И хотя никто никогда нахимовцам не преподавал науки под названием «мор-

ская душа», однако на уровне перенимания бессловесного Митя уже неопровержимо знал, что если хочешь чего-нибудь от моряка добиться — так сначала его порази, огороши. Поскольку почти каждый моряк, каким бы угрюмым он ни прикидывался, — почти всегда в глубине души простодушен и любопытен.

— Чего-чего? Газомотор? — спросил старшина, пока ещё глядя в сторону. — Что за газомотор?

— Кёльнский купец Николай Отто первым додумался до того, — прижмурившись, покотил Митя, — что маховое колесо должно развивать при взрыве под поршнем столько живой силы, чтобы ход машины поддерживался в течение следующих трёх периодов... Можно помогу?

— Ну, п-паразит, — с невольным восхищением выдал старшина. — Как чешет, а? Бурякин, слышал?

— От дури маются... — пробурчал матрос. — Офицерики будут — я т-те дам!

— Ладно, — сказал старшина. — Выдай ему ключ. Пусть верхнюю крышку снимет.

Решив стерпеть что угодно, Митя взялся за гаечные ключи.

Простое, кажется, дело — открутить гайку. Но гаек такого размера Митя никогда в жизни не откручивал. Про двигателя Отто и Дизеля прочёл всё, что мог, а гаек не крутил. Да и когда, когда он мог этому научиться? Где? До училища, когда Митя жил с бабушкой, никакой техники рядом с ним не было. Потом, в училище, вроде бы и шлюпочные практики у них бывали, и занятия по труду, но на шлюпках они либо гребли, либо шли под парусом, либо скребли планшири, отмывая после походов, а что касается уроков труда, так Митя переплёл пару книг, выточил напильником из заготовки молоток да построил табуретку. Не с первой, конечно, попытки, но построил. Что же касается разборки и сборки какого-нибудь механиз-

ма — то этому почему-то их не учили. Почему? Тут было что-то похожее на положение с танцами, когда их заставляли сдавать экзамен по падеграсу и падепатинеру, в жизни ни одному из них ни разу не понадобившимся. Кроме того, наверное, считалось, что тот, кто сделал табуретку, гайку-то уж открутит.

Митя и открутил. Но привычности у него, конечно, не было никакой. И матрос, наблюдавший за ним, с чувством законного превосходства всё время подавал реплики.

— Ты ключ-то, бамбула, не оторви! Вó дают будущие офицеры! Куда гайка отворачивается? А?

«Что угодно стерплю», — думал Митя.

И терпел, тем более что матрос был прав и, кроме того, ворчал всё добродушнее.

Всё-таки Митя хоть за первую гайку и взялся не так, как нужно, и за вторую не так, а уж третью-то отвернул по всем правилам. И когда боцманская дудка засвистела к завтраку, то крышка, которую доверили снимать Мите, была уже снята.

А что под нею открылось! Целый строй одинаковых, как солдатики, рычажков и коленец, смуглых от масла, а под маслом тускло мерцающих голубоватой сталью...

— Ну что ж, остальное — после завтрака, — сказал, вытирая руки ветошью, старшина, и Митя остро позавидовал матросу, который кивнул согласно. Про газомотор, дизель и турбину Митя прочёл, что мог, ему давно уже казалось, что он прекрасно понимает, как работают эти машины, но вот перед ним в уже распотрошённом виде стоял работавший ещё два часа назад дизельёк, а Митя совершенно, ну, наотрез не понимал, с чего надо начинать его ремонт. А матрос — знал.

«Но я тоже сегодня... узнаю», — подумал Митя.

Узнать, однако, не удалось.

После завтрака командир роты построил их на палубе.

— До Лиенаи пойдём на вёслах, — объявил он.

Тут только они вспомнили, что для будущих соревнований на палубе у них киями кверху лежат три шестивёсельных яла.

Так что лопнули мечты Мити, лопнули. Через час шлюпки были спущены на воду. В каждой оказалось по две неполные команды. В первую шлюпку сел Васильев, во вторую — Рюмин, в третью, куда попал Митя, — сверхсрочник с камбуза.

Лагунов и мотористы остались на шхуне. Старшина вылез из машины, ладони у него были чёрные. Он искал в шлюпках глазами Митю и, найдя, дёрнул подбородком вверх: «Что же ты? Куда?» Митя развёл руками — из воспитанников на шхуне не оставляли никого.

— Вёсла... — скомандовал рулевой на шлюпке Васильева, — на воду!

Шлюпки одна за другой отходили от борта.

Раннее утро. На белёсой поверхности моря там и здесь пятнами лежит штилевая рябь.

Митя не то чтобы не любил грести, но по собственной охоте никогда бы не стал этого делать. Некоторые из его товарищей ранней осенью по воскресеньям специально ходили на лодочные станции, брали прогулочные ялики, катали знакомых и незнакомых девочек. Мите же как-то и в голову это не приходило — воскресенье было в неделю одно.

Три шестёрки шли в штилевом море. Шлюпка Рюмина всё время рвалась вперёд. Сделает рывок, ждёт, когда подойдут другие, снова уходит вперёд. Васильев идёт ровно, через каждые двадцать минут меняя гребцов, никаких рывков, никаких общих отдыхов — отдыхайте посменно. Шлюпка же, в

которой находился Митя, всё время почему-то сзади. То у кого-то обрывается стропа, то кто-то уже натёр руку и хочет пересесть на другой борт, чтобы натёртую руку положить на валёк, то кто-то просто плохо гребёт, ныряя веслом в глубину.

Часа через четыре шлюпки сходятся бортами. Обед. Ну, обед — это только название такое. Еда. Одним словом, жуют что-то. Ничего не ест, а только курит изогнувшийся вопросительным знаком капитан второго ранга Рюмин. В морщинистой и красной его физиономии есть что-то птичье, если бы не мощная нижняя челюсть.

— Моряки! — говорит Рюмин, глядя на них с сожалением. — Эх вы, моряки! Неужто уже раскисли?

Скисли, не скисли, но думать о вёслах больше не хочется. Над морем висит белая жара. Все до пояса раздеты. В кителе один Рюмин.

— Ну что, командир роты, — говорит Рюмин. — Вперёд?

Васильев некоторое время смотрит вдаль. Ни ветерка, ни дымка, ни берега.

— Внимание, — негромко, как обычно, говорит он. — Шлюпки могут идти к берегу самостоятельно.

Ещё он говорит, что до Лиепаи тридцать миль, на семь часов хорошего хода.

— Ужинать будем на берегу. Проверить снаряжение.

И опять перед глазами Мити переворачиваются море и небо.

— Два-а-рыс! Два-а-рыс!

Шлюпка Рюмина уходит всё дальше вперёд. Через два часа она так далеко впереди, что на ней уже не различить гребцов. Васильев тоже впереди, но всё-таки ещё отчётливо виден.

Когда меняли гребцов, нечаянно выдернули уключину из гнезда и она по веслу соскользнула в воду. Запасной, как ни искали, в шлюпке не оказалось.

— Суши вёсла. Кто лучше всех семафорит?

Митя взял две бескозырки и, встав на банку, просемафорил Васильеву, что на шлюпке теперь только пять уключин.

Шлюпка Васильева остановилась.

— Будут ждать, — сказал кто-то.

Но в это время там на весле подняли белый треугольный флаг с красным яблоком.

— Что такое? Что значит?

— Больше ход. Сильнее гресть. Прибавить парусов. Сняться с дрейфа, — пробубнили в шлюпке. По флагам у них прошло несколько контрольных работ, так что значения флагов знали все.

Шлюпка пошла дальше на четырёх вёслах. Васильев уходит всё дальше, часам к шести он маячит на горизонте еле заметной точкой, а Рюмина давно уже не видно.

— Два-а-рыс! Два-а-рыс!

Понемногу опускаются сумерки. В сумерках скрылся Васильев. Пятнадцать минут правого борта, пересадка, пятнадцать минут левого... На отдыхе кок раздаёт им сахара и даёт по два раза глотнуть. И опять — валёк и рукоятка, рукоятка и валёк. Вода уже чёрная. И небо темнеет всё больше.

Ладони сбиты у всех. И в ссадинах спины, и сидеть прямо никто уже не может. Но они всё гребут и гребут...

Но до каких пор можно — ведь уже чуть не двенадцать часов, как они отошли от борта шхуны! И вдруг они бросили грести. Зачем? Если это соревнование, то оно кончилось тогда, когда на шлюпке из-за утопленной уключины стало на два весла меньше, если же надо было показать, что они могут долгу грести, так разве они уже не показали?!

И они повалились под банки и, кое-как примостившись, уснули. Засыпая, Митя думал о том, что разбудит их наверняка катер, который за ними придёт, — ведь Рюмин-то уже наверняка в Лиепае.

Шлюпка качнулась — это сверхсрочник ходил по банкам и вынимал из уключин вёсла. Митя посмотрел вверх: всё небо было в звёздах, — но только он решил их получше рассмотреть, как мгновенно и глубоко уснул.

За ночь, кажется, их сильно снесло в море.

Когда начало сереть небо, большинство из них проснулись сами. Проснулись и сели на банки. Сверхсрочник молча сидел на транцевой доске. Он не спал, наверное, всю ночь, но ничего им не говорил. Кое-кто из них ещё спал. Мичман взял весло и, ничего не говоря, издали в них потыкал. Все проснулись и сели.

— Вёсла... — сказал мичман, — на воду!

А берега всё нет. И нет больше сухарей. Осталась только вода. Все, кто не на вёслах, только и смотрят вперёд, те, кто гребёт, постоянно оглядываются. Все ждут катера. Не могут же их забыть — Рюмин и Васильев за них отвечают.

И катер наконец показался вдали. Они видят его сначала просто точкой, мотора его ещё не слышно, и они ещё сомневаются — точно ли это за ними. Но точка растёт, двигаясь прямо на них, и тогда они понимают, что грести дальше бессмысленно. Катер делает двадцать узлов, не меньше, они — от силы полтора...

С катера, это теперь уже точно, их заметили. Побросав вёсла, они ждут его. Катер всё приближается и приближается, на баке шлюпки уже возятся, освобождая буксировочный трос, но почему теперь,

когда испытание окончено, им как-то не глядится в сторону этого катера? А катер сбавляет обороты, от этого сразу садится его нос и поднимается корма. Катер подходит к шлюпке. На носу катера стоит Васильев.

— Вёсла на валёк! — командует он.

Вёсла вразнобой медленно поднимаются и встают вертикально.

— Больные есть? — спрашивает Васильев. Спрашивает, как всегда, спокойно.

В шлюпке все молчат, за них отвечает мичман. Отвечает, что все здоровы.

— Оттолкнуть нос! — говорит Васильев, и матрос с катера отпорным крюком отталкивает шлюпку от катера.

Васильев нагибается, берёт лежащий у него под ногами мешок и кидает его в шлюпку.

Затем катер, булькая пузырями молочно окрашенной воды, медленно отходит от них, разворачивается и даёт полный вперёд. Морщина воды из-под его винтов бежит под шлюпку, раскачивает её, слышно, как сталкиваются всё ещё вертикально стоящие вёсла.

Мичман наклоняется к мешку, запускает в него руку. Митя видит, как он вынимает из мешка одну за другой три буханки хлеба и уключину.

— Вёсла! — посидев немного, командует мичман.

Ничего не понимая, Митя Нелидов, повинувшись команде, опускает весло в уключину. Что происходит?

— На воду! — командует мичман.

(Продолжение следует)

Олег Данилов

ИМЕНЕМ

Научный консультант-
кандидат
юридических наук
В.С. ТИМЕСКОВА

12

РАССКАЗОВ
О БОРЬБЕ ЗА ИСТИНУ
И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

С
РАССЛЕДОВАНИЯМИ,
ИССЛЕДОВАНИЯМИ,
ПРЕСЛЕДОВАНИЯМИ,
СУДЕБНЫМИ
ЗАСЕДАНИЯМИ
И
ЮРИДИЧЕСКИМИ
КАЗУСАМИ.

ОТ РЕДАКЦИИ

РЕБЯТА!

В прошлом номере журнала вы прочли письмо Коли Ильина — он писал о своём соседе Мише Афанасьеве и спрашивал, что же с этим Мишей делать и не слишком ли мягкие у нас законы по отношению к подобным личностям.

Ответить на Колино письмо мы попросили Олега Данилова.

Олег прочёл письмо и надолго задумался.

— По-моему, — сказал он наконец, — ситуация здесь непростая и однозначного ответа быть не может. И потому я предлагаю вот что.

Среди учеников известного вам 6-в класса есть такой Игорь Бондаренко — может, помните мальчика в очках! Он тоже был среди ребят, которые привели Серёжу Иванова в милицию... Так вот, Игорь Бондаренко рассказал мне недавно один случай, который, мне кажется, имеет определённое отношение к Колиному письму. Рассказ Игоря я записал. Может быть, имеет смысл познакомить с ним наших читателей!

И Олег положил на стол листы с машинописным текстом.

Мы прочитали этот рассказ и решили, что Олег прав — материал оказался очень своевременным.

— А вы заметили, — сказал Олег, — там есть персонаж, которого тоже зовут Олег. Я боюсь, что возникнет путаница. Читатели могут подумать, что он — это я!

— Ну нет, — сказали мы. — Ведь Олег из рассказа — киноактёр! Тот самый!!

— Да! — подтвердил наш Олег. — Тот самый.

— Не волнуйтесь! Вас невозможно с ним спутать при всём желании!

— Пожалуй, — вздохнул наш Олег. — Но в данном случае оно и к лучшему.

Итак, ребята, мы предлагаем вам рассказ мальчика в очках.

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

Закон и коллектив

Недавно к нам в школу приехал ужасно суматошный дядька в кожаном пиджаке. Выяснилось, что он работает на киностудии и называется «помреж» (помощник режиссёра). А приехал он для того, чтобы найти для съёмки фильма «Тяжёлая расплата» мальчика тринадцати лет.

Наши, как об этом узнали, — кто галстук нацепил, кто пробор соорудил... И все, как один, — только помрежа в коридоре увидят, сейчас давай орать, как ненормальные, и по-всякому выставляться, чтобы их заметили.

А помреж, между прочим, выбрал меня. Хотя я не орал, стихи на всю школу не выкрикивал, мускулы не надувал.

Он подошёл ко мне прямо в коридоре и говорит:

— Мальчик, хочешь сниматься в кино?

Я говорю:

— А как же мне сниматься, если я в очках?

— Это, — говорит он, — не важно, а вернее, как раз хорошо, более жизненно. Главное, ты хочешь или не хочешь?

Я говорю: «Хочу». Интересно, а кто не хочет?

Он мне сказал, куда приходить, и исчез.

Ребята, конечно, начали сразу же издеваться.

— Тоже мне — Бельмондо! — кричат.

— Жан-Поль Бондаренко!

...А сниматься в кино сначала оказалось довольно скучно.

Познакомили меня с режиссёром. Вы его, конечно, знаете, — толстый такой. Он меня заставил перед ним ходить, сидеть, хохотать, суп есть прямо из кастрюли...

Потом кинопробы начались! Когда свет из всех юпитеров дали, думал — ослепну. Но привык быстро.

На экране я себя сначала не узнал. Я-то думал, что кино — как зеркало. Оказывается — ничего подобного. Совершенно незнакомый мальчишка передо мной. И кривляется так, что смотреть противно.

— Хочешь сниматься, — сказал мне режиссёр, — запомни: экран всё преувеличивает примерно раз в десять. Улыбнись — а получится, что ты со смеху помираешь. Имей это в виду!

Кинопробы кончились, на роль меня утвердили. На первой репетиции режиссёр подвёл меня к высокому мужчине в кожаном пиджаке.

— Познакомьтесь, — говорит, — это, Игорь, твой отец. По картине, конечно. А это, дорогой Олег, твой сыночек.

Я на своего «отца» взглянул — и ахнул. Я же этого Олега в десятках фильмов видел! Он стройный, подтянутый, улыбка во всё лицо. Да вы его знаете! Его все знают!

— А вот и «мама», — говорит режиссёр. — Людочка! Иди сюда!

Тут я вообще чуть не упал! Кинозвезда, на весь мир известная! И вот — я с ними сниматься буду!

— Слушай, Игорь, — стал рассказывать режиссёр, — по сценарию, твой отец — рабочий. Плохой рабочий — пьяница и прогульщик. Такое бывает, к сожалению... Он приходит домой пьяный, скандалит с женой, к тебе придирается. На работе — план не выполняет, подводит всю бригаду... И кончается фильм тем, что рабочие собирают собрание, обсуждают и решают, что такому в коллективе не место. Требуют его увольнения. И тебя с мамой на собрание приглашают. Она о его домашних художествах расскажет, а ты должен всем заявить: мне не нужен такой отец! Вот тогда коллектив и примет окончательное решение — выгнать! И он за свои безобразия лишится и семьи, и работы. Останется один, поскольку сам себя вычеркнул из жизни своим пьянством. Понял?

Я кивнул.

— Попробуем, — предложил режиссёр. — Дай, Люда, ему реплику.

— Сил моих больше нет! — сказала «мама» рыдающим голосом.

— Мне не нужен такой папа! — выкрикнул я.

— Гениально! — воскликнул режиссёр. — Но не очень. Главное в этой фразе — что?

— Ну, что он мне «не нужен»... — неуверенно сказал я.

— Вот. Значит, «не нужен» — выдели голосом. Понял?

— Сил моих больше нет! — опять сказала «мама».

— Мне НЕ НУЖЕН такой папа! — опять выкрикнул я.

— Вот! — воскликнул режиссёр. — Это достаточно гениально.

— А по-моему, — вмешался Олег, — главное, что ему ТАКОЙ папа не нужен.

— Попробуем, — предложил режиссёр.

— Сил моих больше нет! — сказала «мама».

— Мне не нужен ТАКОЙ папа! — выкрикнул я.

— Нет, это — менее гениально, — заметил режиссёр. — Видишь, Олег, мальчик чувствует материал... Вот эту сцену мы завтра и будем снимать. На настоящем заводе, прямо в цехе.

— Как? — удивился я. — Это же последняя сцена!

— А снимать будем первой, — улыбнулся режиссёр. — В кино так часто бывает.

...На следующий день прямо к школе подкатил автобус с надписью «киносъёмочный». Когда ребята увидели автобус, а в нём — и Олега, и Людмилу, и режиссёра, с ними случился массовый столбняк. Я, конечно, в раздевалке подольше покопался, — пускай, думаю, полюбуются.

В автобусе меня ожидал сюрприз. На последней скамейке, забывшись в угол и явно растерявшись среди весело переговаривавшихся актёров, сидел — кто бы вы думали? — капитан милиции Соколов! Я его сразу узнал — запомнил, когда мы к нему Серёгу Иванова привели.

Соколов махнул мне рукой, и я сел с ним рядом. Автобус тронулся.

— Это, значит, ты — юная кинозвезда?! — сказал капитан. — А меня, видишь, тоже пригласили...

— А вы кого играть будете? — поинтересовался я. — Наверное, милиционера, который моего «отца» забирает?

— Куда уж мне играть! — засмутился Соколов. — Режиссёр, правда, предлагал... У вас, говорит, фактура выигрышная... Да ну — со страху помрёшь перед камерой! Меня как консультанта пригла-

сили. Главный герой — пьяница, в милицию попадает, и всё такое... Я должен следить, чтобы всё было по закону.

Какое-то время мы ехали молча.

— Слушай! — спросил меня капитан Соколов. — А как там ваш Серёжа Иванов?

— Да ничего, — пожал я плечами. — Тихий стал... На уроках сидит молчит... Что странно, — экономикой стал увлекаться!

— Экономикой? — переспросил капитан. — Это в чём выражается?

— К нашей библиотекарше всё пристаёт — просит книжки про планирование, про отчётность предприятий, про какую-то... как её... финансовую дисциплину... Она говорит: «Нет у нас такого!» Так он добился, что ему направление дали в Публичную библиотеку... Торчит там целыми днями... Странно!

— Да нет... — нахмурился капитан. — Это, брат Игорь, совсем не странно...

Я стал к нему приставать — пусть расскажет! Ведь знает что-то про Серёгу! Но

капитан только махнул рукой и стал смотреть в окно...

...В красном уголке одного из цехов уже стояли осветительные приборы, кинокамеры, по полу тянулись провода, а среди всего этого суеутился знакомый помреж. В зале сидели люди. Как объяснил нам по дороге режиссёр, сниматься будут и настоящие рабочие, из цеха, — это придаст фильму достоверность.

Нас провели на сцену. За длинный стол уселись актёры: «начальник цеха», «знатный рабочий», «девушка-комсомолка». Олег — «отец» — сел в углу сцены на стул. Мы с «мамой» — с другой стороны президиума. Капитан Соколов примостился где-то сзади — в последнем ряду.

— Товарищи! — сказал режиссёр, обращаясь к сидящим в зале. — Снимается эпизод «Рабочее собрание». Попрошу вас живо, непосредственно на всё реагировать — как будто обсуждают вашего товарища. Мы снимаем одновременно с нескольких точек, так что вы все тоже в кадре! Внимание!

Камера! Мотор! Начали!

— Товарищи! — поднялся «начальник цеха». — Этого, с позволения сказать, деятеля вы все знаете...

— Слава богу, насмотрелись! — выкрикнул кто-то.

— И насмотрелись, и натерпелись! — подхватил «начальник цеха».

— Какие меры наказания к нему применяли? — спросила «девушка-комсомолка».

— Согласно законодательству о труде, — ответил «начальник цеха», — выговор объявляли, строгий выговор... На нижеоплачиваемую работу переводили, на три месяца... Летний отпуск передвинули на зимнее время... Сами видите, товарищи: не помогло это всё... Вы Закон о трудовых коллективах знаете. Там прямо сказано — если что, рабочее собрание может и крайнюю меру потребовать. Вам решать, товарищи! Дальше будем с ним нянчиться — или как?

— А чего с такими возиться! — вздохнул пожилой уса-тый дядька, сидевший в проходе. — Вот и привыкают, что им всё дозволено...

Дядька актёром не был. Значит, рабочие начали постепенно включаться.

— Я так скажу! — поднялся актёр — «рабочий-ударник». — Коллектив у нас передовой. По всем показателям. Так скажите на милость — зачем нам этого разгильдяя терпеть? С какой стати?

— Верно! — зашумели в зале. — Зачем нам этот балласт нужен? Гнать такого в шею!

— Давайте жену заслушаем, — предложил «начальник цеха». — Как он в быту себя ведёт.

Людмила встала, прижимая к глазам платочек.

— Не могу больше! — ры-

дающим голосом заговорила она. — Каждый вечер — пьяный, каждый вечер! И ругала, и кричала, и — что скрывать! — била... Ничего на него не действует! Друзья-приятели ему всего дороже! Решайте, как знаете... Сил моих больше нет! — И с этими словами она незаметно подтолкнула меня в спину.

Я вскочил со стула.

— Товарищи! — выкрикнул я на весь зал и повернулся к «отцу», чтобы сказать свой текст ему в лицо, как учил меня режиссёр.

Я посмотрел на «отца» — Олега, — и заученные слова застряли у меня в горле.

Олега не было. Маленький, жалкий, потерянно улыбающийся человек сидел на краешке стула, изо всех сил прижимая к коленям дрожащие руки. Бесформенный серый пиджак с оторванным карманом свисал у него с плеча. Он купил этот пиджак, когда ещё был сильным, здоровым мужчиной, а сейчас он исхудал, ссохся от пьянства, и пиджак болтается на нём... Он ещё старается выглядеть прилично, этот человек, — мятую, жёваную, когда-то белую рубашку он застегнул на все пуговицы, а пуговицы — разные, пришитые кое-как, а самая верхняя — от наволочки... Он пытался побриться перед собранием, но из-за того что руки дрожали, порезался и бросил — половина лица чистая, половина — в какой-то сизой щетине...

— Сынок!.. — еле слышно сказал он тонким надорванным голосом. — Сыночек!..

Мой собственный папа — инженер, руководитель группы в одном проектно-институте. Никогда в жизни не видел я его пьяным. Они с мамой живут дружно и весело, любят друг друга и меня то-

же. У нас трёхкомнатная квартира, красивая мебель, папа и мама любят хорошо одеваться, часто ходят в театр, а скоро мы, наверное, купим машину...

Я потом всё думал: откуда же взялась другая жизнь, которая так ясно и в один миг представилась мне?! Пустая, почти без мебели, комната, с провисшими, выгоревшими шторами. Вечно скандалящая, озлобленная мать. «Иди ужинать, олух!» — кричит она, с грохотом швыряя прямо на стол сковородку с

показатели... если вы... не нужно нам... Он тоже без вас обойдётся... Да что вы все на него кричите?.. А ты не смей ничего просить... уходи — и всё... И от неё уходи, — кивнул я на «мать». — Она тебе за всю жизнь пуговицы не пришила! В день рождения хоть бы подарок принесла! Хоть бы что-нибудь! Тоже — кричит только!.. Найдёшь работу, другую... и пить не будешь, понял?..

— Ага! — язвительно произнёс усатый дядька. — Не будет он!

макаронами. И этот человек, мой «отец», всюду чужой — и дома, и на заводе. Всюду никому не нужный, лишний...

— Да сядь ты как следует! — закричал я на него. — Что ты их испугался?!

Зал мгновенно затих.

«Отец» взглянул на меня, и что-то вдруг мелькнуло в том взгляде — что-то прежнее, оставшееся от сильного, красивого человека, — самого сильного и красивого на свете...

— Эх, вы! — тихо сказала я в зал. — Выгнать хотите?! Да выгоняйте! Если вас только

— Не будет! — твёрдо сказал я.

«Мать» вскочила со стула. Лицо её пошло пятнами, руки зло комкали и рвали платочек.

— Много ты понимаешь, — взвизгнула она. — Папочку жалко?! А что папочка жизнь мою загубил? Скажите на милость — обидели его! Вы не знаете, — повернулась она к рабочим в зале, — это ещё на прежней работе было... Бригадир его... Жесть хотел с завода вывезти... Какое твоё дело было? — закричала она на «отца». —

Кто тебя просил соваться? Ничего не доказал. Со всеми переругался. А через два месяца—его же под увольнение и подвели!..

— Как же так получилось?—спросил высокий парень в ковбойке.

— В квартире трубу прорвало. Пока пытался починить, пока водопроводчика дожидался—день и прошёл. Прогул! А за один прогул уволить можно, сами знаете... Вот его и уволили по статье...

— Погоди!—поднялась пожилая работница.—Уволить можно, если без уважительной причины прогул. А у него—причина! В суд надо было обращаться.

— А я про что?!—подхватила мать.—Просила, умоляла—напиши в суд заявление, там разберутся, восстановят тебя, ещё и те дни оплатят, которые ты пропустил, как уволили... Специально у юриста узнавала...

— Правильно!—послышалось сразу несколько голосов.—Это называется «вынужденный прогул». По вине администрации! За их счёт и оплатили бы!

— Так нет!—опять закричала «мать».—Он, видите ли, гордый! Он перед ними унижаться не желает! Он лучше будет пьянствовать и на весь белый свет обижаться! Вот и докатился, что и отсюда выгоняют...

— И выгоним!—строго сказал усатый дядька.—Здесь завод, а не детский сад! Свои обиды за проходной оставляй! Сюда люди работать приходят. Не хочешь—не держим!

Он встал и повернулся лицом к залу.

— Как там его уволили—дело прошлое! А теперь что получается? Вот, допустим, он у меня в бригаде. А мы на бригадном подраде находимся.

За свою работу вместе отвечаем и премию на всех делим, по коэффициенту трудового участия. Значит, мы за него работать должны! Ведь какую-никакую зарплату, минимум, надо ему выписать! И плюс к тому из-за его хужожеств нам премию по итогам года режут. А это—сами знаете—деньги немалые! Так почему из-за него мы должны домой только ползарплаты приносить? И вообще,—продолжал дядька,—не понимаю я системы этой... Чего мы тут обсуждаем? Наше дело—работать! А такими деятелями пускай милиция занимается! Прогульщик, ту-неядец, значит, надо органы подключать! Вот вы нас собрали, не позабыли,—а где, интересно знать, милиция? Об этом не подумали?

— Здесь милиция!—раздался вдруг из заднего ряда голос капитана Соколова. Он встал и, провожаемый удивлёнными взглядами, прошёл через весь зал и поднялся на сцену.

— Начальник уголовного розыска райотдела внутренних дел капитан Соколов,—представился он.

— Ого!—воскликнул кто-то.

— Спасибо, товарищи, что пригласили,—вежливо сказал капитан.—Большое спасибо! Мы, угрозыск, как известно, преступников ловим. Сотворит человек что-нибудь противозаконное—наша служба подключается. Прямо скажу—трудно бывает. Находим, конечно, но повозиться приходится. А вы нам работу облегчаете! Помогаете правоохранительным органам!

— Это как?—насторожился усатый дядька.

— Да очень просто!—пояснил капитан.—Сейчас вы этого «друга» выгоните. Он,

конечно, с горя пить начнёт, ещё больше, чем пил. По пьянке — или в драку ввяжется, или в семье дебош устроит... А то и на кражу пойдёт, вслед за дружками. Терять-то ему нечего! Значит, надо нам сейчас наблюдение за ним установить — и можно брать, ещё тёпленького. Не сразу, конечно, пускай сначала натворит лет так на восемь! Чтобы вы его долго не увидели!

— Интересно! — воскликнула пожилая работница. — Он будет творить, а вы дожидаться!

— Подожди, Маша, — остановил пожилую работницу усатый дядька. — Не поняла ты... Товарищ капитан тут перед нами аллегория развёл... Дескать, вы уволите — и вот чем это кончится. Поэтому не увольняйте, а мучайтесь с ним до скончания века! Только, извините, время сейчас другое! Везде прямо говорят — нянчиться с такими нечего!

По залу прошёл сдержанный гул. Люди явно заволновались. Послышались голоса:

— Человек всё-таки!

— А мы чем виноваты?

— А ты забыл, как сам в прошлом году напился и два дня гулял?

— Так я на свадьбе!..

— А всё равно под увольнение подходил!

— Одного выгонишь — другим неповадно будет!

— Вот что! — сказал капитан, легко перекрывая гомон. — Я в производстве не силен. Но знаю, когда брак случается — прежде всего стараются его исправить. Переделывать. А в отходы отправляют, когда все средства испробованы. Детали, узлы — и то сохранить стараются! Как же вы можете живым человеком швыряться?! О зарпла-

те думаете, рубли считаете — а про товарища забыли? Трудовой коллектив может увольнения требовать. Верно! И хорошо, что это законом предусмотрено. Но это — крайняя мера, когда уже ничего не помогает!

— Так ничего и не помогает! — выкрикнул усатый дядька. — Говорил же начальник цеха — и выговоры объявляли, и отпуск передвинули... Не действует на него!

— Это не действует, — согласился капитан. — А вот приставить к нему двоих, кто поздоровей! Чтобы с работы и на работу его провожали, пока пить не отвыкнет. И в наркологический кабинет водили бы да смотрели, чтобы лечился как следует, процедуры не пропускал! А дружкам его чтобы морды понабивали и раз навсегда от дома отвадили!

— Хорошие советы милиция даёт! — выкрикнул кто-то.

— Это я так, — смутился капитан. — Образно говоря...

В зале засмеялись.

— Ничего, — поднялся парень в ковбойке. — Надо будет — мы и не образно... Я бы, честно говоря, не его выгнал, а тех, кто из-за рубля ничего вокруг не видит. Ты вот, — он резко повернулся к усатому дядьке, — о производстве заботишься. А чего же ты о нём не позаботился, когда тебя в бригаду Стешенко перейти попросили?

— Умный какой! — обозлился дядька. — Собрали пацанов зелёных, сам бригадир только-только после армии. Они нарабotaют, пожалуй! С какой стати я из-за них в заработке терять должен?

— Ты вот на Закон о трудовых коллективах ссылаешься, — сказал парень, — так там не только про пьяниц сказано... Тех, кто коллектив разлагает рвачеством своим, ведь

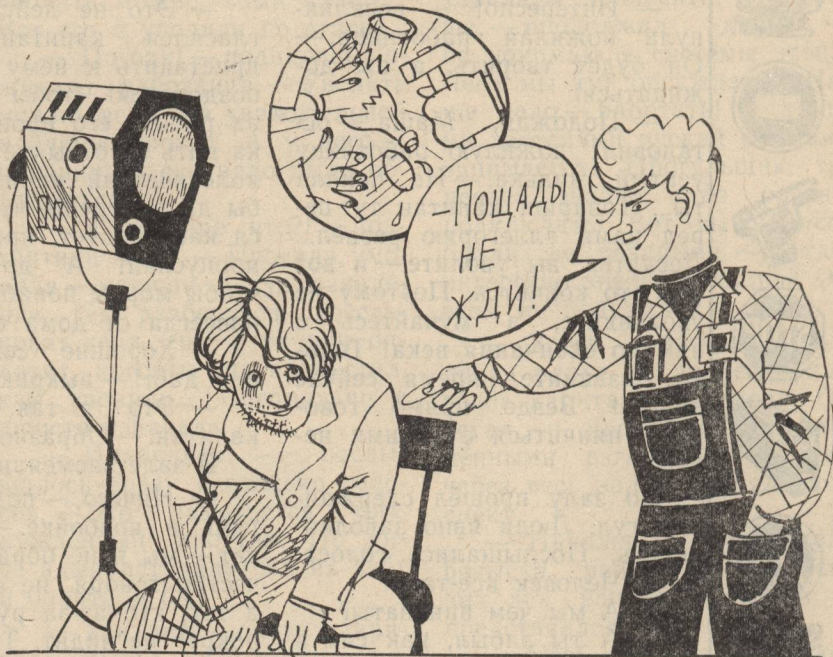
тоже попросить кое о чём можно...

Дядька дёрнулся было, но промолчал.

— А ты чего сидишь, как пыльным мешком вдаренный? — сказал парень моему «отцу». — Чувствую, и вправду придётся тебя на верёвочке водить. Пощады не жди! Умрёшь, а человеком станешь!

— Камера — стоп! — раздался вдруг голос режиссёра. — Снято!

мите: зрители, сидящие в зале, благодаря вам и вашим товарищам будут активно соперничать происходящему на экране. А кое-кто переосмыслит свою жизнь... Мы этот эпизод домонтируем крупными планами, и когда рабочее собрание всё-таки примет решение уволить этого человека с завода, для него это будет ещё большей трагедией! Ведь нашлись люди, которые вступились за него.

И я, и все в зале к этому времени напрочь забыли, что идёт киносъёмка. Всех как будто холодным душем окатили.

Режиссёр вылетел на сцену.

— Ну, товарищи! — воскликнул он, радостно потирая руки. — Сказать, что это гениально, — значит, ничего не сказать! Абсолютно живой, подлинный эпизод! Прекрасный финал для картины! Возмущённый, страстный!.. Огромное вам спасибо!

— Тьфу, чёрт! — опомнился парень в ковбойке. — А я-то...

— Вы старались не зря, — успокоил его режиссёр. — Пой-

— Чего, чего? — переспросил парень. — Как это уволить?!

— У нас есть утверждённый сценарий, — терпеливо стал объяснять режиссёр, — согласно которому этот эпизод в картине — последний.

— Значит, — спросил кто-то из рабочих, — если в кино, предположим, пьяница или прогульщик забредёт, то он на экране что увидит? Как таких в шею гонят?

— Именно, — подтвердил режиссёр. — Тяжёлая расплата!

— Получается: надеяться ему больше не на что? И к

нормальной жизни не вернуть-ся?

— Всё в его руках, — возразил режиссёр. — Если он захочет...

— Вот что, товарищи киношники, — насмешливо сказал парень. — Как отдельные личности пьют, прогуливают и увольняются постоянно — это мы и так знаем. И в кино ходить не надо. И не пойдёт никто на такой фильм... А вот вы покажите, как человека вытащить можно! Как в цехе или ещё где борются за него! Вот тогда нам интересно будет: удастся это или нет?! Тогда каждый переживать станет. А так... Знал бы — ни за что не стал бы сниматься...

— Верно, Эдик! — раздался звучный голос Олега. — Это не конец картины, а начало! Перестраивайся!

Олег стоял посреди сцены, насмешливо глядя на режиссёра. Как влитой, сидел на нём серый пиджак. Известная всей стране улыбка играла на лице.

— Ну, Олегушка, дорогой, — засуетился режиссёр, — это мы решим на студии... Автор сценария, если надо, кое-что перепишет... Он, слава богу, жив — не Лев Толстой!

— Да уж, — язвительно сказала Людмила, — отнюдь!

Она спустилась со сцены и, словно не замечая расступившихся перед ней рабочих, пошла к автобусу.

— А вам, товарищ капи-

тан, — вцепился в Соколова режиссёр, — сниматься теперь придётся. Вы от нас не отвертитесь. Если что — я позвоню комиссару милиции, чтобы он вам просто приказал... Я шу-чу, конечно, но учтите!..

Я почувствовал на своём плече чью-то руку. Сзади стоял Олег.

— Артистом хочешь быть? Я пожал плечами.

— Может быть, и будешь, — задумчиво сказал он. — Может быть... В нашем деле — что главное? Поверить в то, что происходит. А ты поверил. Вон как весь эпизод перевернул! И по правде получилось. Недаром ведь люди забыли, что тут кино снимают! Конечно, мальчишка отца не бросит! И рабочие так просто — за здорово живёшь — не выгонят.

— Скажите, — спросил я, — а откуда Людмила Макаровна это всё взяла? Ну, про обиду эту... как вас... отца то есть... неправильно уволили?

— Людмила — настоящая актриса, — улыбнулся Олег. — Как критики любят говорить: полностью перевоплотилась. Что-то всплыло изнутри — и текст сам пошёл. Если верно образ нащупаешь, так обычно и бывает. Ты же вот откуда-то взял, что она мужу на день рождения ничего никогда не дарила. Верная деталь, живая... Ну, поехали, — он взглянул на часы. — У меня вечерний спектакль ещё...

ещё ОТ РЕДАКЦИИ

Вы узнали о двух разных людях — о Мише Афанасьеве и об «отце» Игоря Бондаренко. Люди разные, а судьбы похожие. Пьянство, нарушение дисциплины, скандалы привели к тому, что встал вопрос об увольнении их с работы. Мишу Афанасьева уволили с одной работы, с другой, с третьей... А вот «отца» Игоря решили оставить в цехе.

Что же является в подобных случаях правильным!

Слово Олегу Данилову.

— В том-то и дело, ребята, что единого ответа здесь быть не может. С одной стороны — пьяницам и прогульщикам не место на производстве. С 1 июня 1985 года вступил в силу Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством». Этот Указ требует усиления ответственности за пьянство и связанные с ним проступки. Пьяницу можно уволить с работы, можно заставить принудительно лечиться, можно лишить дееспособности, то есть запретить самому получать и тратить заработанные деньги... А если человек сам бросает работу — закон предусматривает различные наказания за тунеядство, вплоть до лишения свободы. Так что «перелёты» Миши Афанасьева с одного рабочего места на другое не продлятся — милиция и суд заставят его бросить пить и трудиться как следует.

Но с другой стороны... Исподволь, незаметно для себя втягивается человек в эту страшную, губительную привычку... «Хлопнул рюмку» на дне рождения — ну что здесь страшного! «Отметил» получку... «Обмыл» новый костюм... «Вспрыснул» уход в отпуск... «Запил» выговор начальства или ссору с женой... Выпил с одним, с другим, с третьим... И постепенно на этого человека так и начинают смотреть — «пьяница», «безвольный слабак, что с него возьмёшь!»... Уходят друзья — остаются дружки. Кончается настоящая работа — начинается халтура, сшибание на бутылку...

Алкоголизм — это не только вредная привычка, распущенность и безволие. Это — тяжёлая болезнь. И бывает, что уже никто, кроме врачей-наркологов, помочь не в состоянии. И надо принимать самые решительные, самые крутые меры.

Но бывает и так, что человек ещё не пропал окончательно. Он ещё может вернуться к нормальной жизни, он стоит как бы на перекрёстке, и перед ним — два пути... И вот тогда коллектив, рабочие люди, должны прийти на помощь. Должны сказать: «Ты — наш товарищ. С тобой случилась беда. Тяжёлая беда! Но мы верим в тебя, мы тебя не бросим, мы не пожалеем ни сил, ни времени, чтобы вытянуть тебя из пьяного болота!»

...Кто знает, если бы тому же Мише Афанасьеву вовремя протянули руку помощи, — может быть, он и не стал бы таким, каким сделался сейчас!..

А ЧТО ВЫ ОБ ЭТОМ ДУМАЕТЕ, РЕБЯТА! ЖДЁМ ВАШИХ ПИСЕМ.

Владимир ЧУРНОСОВ

ГРОЗА В НАЧАЛЕ МАЯ

Полнеба затянуло тучами,
И хлынул дождь над головой.
Вот и гроза... Совсем по Тютчеву —
В начале мая в час дневной.

И, словно гулкий выстрел пушечный,
Над городом ударил гром.
И кажется: нет звука лучшего,
Чем плеск дождя весенним днём.

Под шум дождя сверкают молнии.
И в небо радостно взгляни:
Как будто вновь его заполнили
Салюта Майского огни.

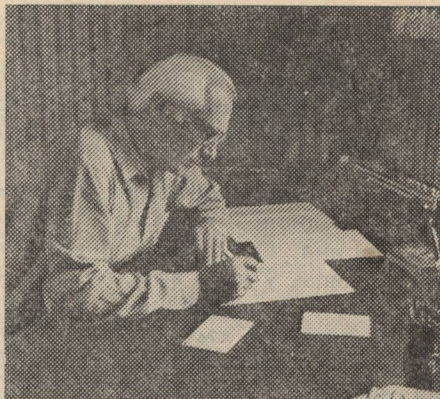
Рис. Е. Каменской

Волшебная гайка

К 60-летию

Константина Ивановича Курбатова

...Наш комфортабельный туристический автобус мчался по гладкой чужой автострате. А в автобусе шёл разговор о наших, писательских делах. Разгорелся настоящий спор: в какой мере сказывается личность писателя на его произведениях?

Конечно же, нельзя отождествлять автора и его героя. Но отношение автора ко всем персонажам его книги всегда определённо. Одного любит, другого ненавидит, одного жалеет, другого казнит и т. д. и т. п. В общем, мнения разделились. Не было в ответах ни однозначности, ни единодушия. Но не было и полной уверенности в своих доказательствах и выводах.

— А я твёрдо убеждён, — сказал Курбатов, — что нельзя быть в жизни одним человеком, а в своих книгах — другим. Личность автора неотделима от его настоящего героя. Народная пословица: «Шила в мешке не утаишь» справедлива и для литературы.

Тогда-то, в заграничной поездке, я и познакомился близко с Константином Ивановичем Курбатовым. До того мы были едва знакомы, так, как говорится, «шапочно».

Но книги Курбатова я читал всегда.

В каждой книге Константина Курбатова чётко видны его взгляды, симпатии и антипатии, радость, боль,

возмущение и одобрение — его позиция.

Давно, очень давно прочёл я «Тимкины крылья», а до сих пор ясно вижу и очень уважаю смелого, благородного, настойчивого и стойкого борца за справедливость мальчика Тимку. Тимофея!

Человек начинается с детства. Кем он вырастет, зависит прежде всего от него самого. Честным тружеником, героем труда или лодырем, которого все презирают. Героем Советского Союза или подлым трусом. Бесхребетным угодником или Гражданином.

Хорошие и добрые качества нельзя привить человеку, как сывотку от кори или свинки. Но показать мальчикам и девочкам, по-настоящему ярко, убедительно, впечатляюще, что такое хорошо, а что такое плохо, — это и есть задача и цель литературы для детей. Это очень важно.

Писатель Константин Иванович Курбатов выпустил много книг для больших и совсем ещё маленьких ребят. И все его книги, толстые и тонкие, воспитывают достойных людей, граждан, патриотов, дают пример для подражания. Не оглушают, не ослепляют красивыми и громкими словами, а учат действовать, совершать поступки. И это, пожалуй, самое главное, существенное.

Если ты ещё не читал, то прочтёшь повести «Тимкины крылья»,

«Лёха-адмирал», «Пророк из 8-б», «Чуть-чуть — считается», рассказы о Карле Марксе и юном революционере Коте Мгеброве, весёлые и поучительные истории в книге «Волшебная гайка».

Филя Боков «обладал характером до удивления мягким. Мягче, чем перина. По определению Филиного папы, у него вообще был не характер, а простокваша». И спасла Филю, помогла ему стать другим, человеком с характером... «волшебная гайка».

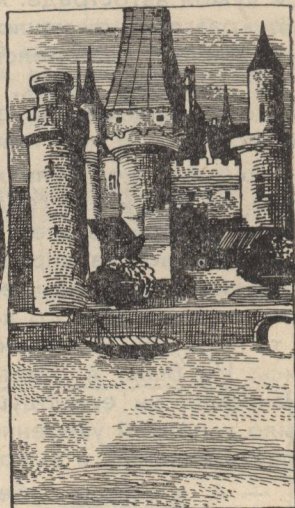
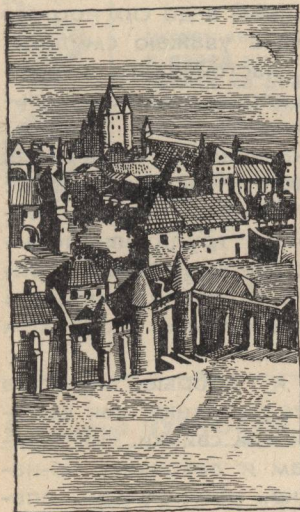
Думаю, что «волшебной гайкой» можно назвать повести и рассказы К. Курбатова. Всё его творчество.

Сейчас готовится в свет роман К. Курбатова «Еретик Жоффруа

Валле». Сокращённый вариант начинает печатать для тебя «Искорка». Это очень интересная и захватывающая книга о неизвестном ещё тебе рыцаре науки из далёкого шестнадцатого века. Такие люди, как Жоффруа Валле, честные, неустрашимые борцы за торжество света над мраком, всегда современники. Твои, мои — всех и во все времена.

...8 мая 1986 года К. И. Курбатову исполнилось ровно 60.

Когда началась Великая Отечественная война, Константину Ивановичу было пятнадцать лет. Юноша стал курсантом военно-морского авиационного училища. Потом

«БЛАЖЕН, КТО В ЗНАНИИ ОБРЁЛ ПОКОЙ»
(Слова с титульного листа книги Жоффруа Валле «Блаженство христиан, или Бич веры», изданной в 1573 году в Париже и сожжённой вместе с автором на костре. Единственный, чудом уцелевший экземпляр той книги хранится сегодня в библиотеке города Экс в Провансе.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сударь, вы оскорбили меня!

— Ты ещё не помер с голода, Пий? Вставай! Я придумал, что нам делать. Ты меня слышишь, Пий?

Журнальный вариант.

С такими словами обратился утром 7 августа 1570 года известный парижский учитель фехтования Базиль Пьер Ксавье Флоко к своему слуге Антонию. Почему он называл его

служил на Севере в лётных подразделениях. Затем перешёл на журналистскую работу. Последние десять лет он трудится в журнале «Нева», заведует отделом прозы. И вот уже два десятилетия пишет книги.

На последней странице «Волшебной гайки» есть такое признание:

«Писать сочинение на тему „За что я люблю своего друга“ мне кажется безнравственным. Подобные публичные признания в любви характерны для лицемеров и карьеристов. Я думаю...»

Так многоточием и обрывается мысль. И вот уже я думаю: как же завершить моё юбилейное послание?

На юбилеях принято произносить пышные и восторженные речи, даже понарошку — для юмора! — не верить, что юбиляру столько-то лет... Нет, такое притворство не по мне. И не для него, Курбатова.

Скажу просто:

— Дорогой Константин Иванович! Сердечно поздравляем вас... Я говорю от себя, от имени редакции журнала «Искорка» и всех её читателей. Сердечно поздравляем вас с шестидесятилетием! Будьте здоровы и счастливы! Не уступайте своих позиций. И создавайте для всех нас «волшебные гайки»!

Илья МИКСОН

Пием? Это целая история. Просто он давно собирался отомстить своему кровному врагу, необычайно могущественному человеку. И придуманное имя должно было ему в этом помочь.

В старые добрые времена, когда в кошельке Базиля позванивали деньжата, он обычно покрикивал:

— Пий, подай бокал вина!

— Пий, сбегай в лавку за орехами!

Казалось бы, чего особенного — Пий! — имя как имя. Одна лишь сестра Базиля, монахиня Франсуаза, знала, где в этом слове таится яд. Знала и приходила в ужас от чудовищного замысла брата.

А молодой учитель фехтования Базиль Пьер Ксавье Флоко жил легко. Он преданно любил свою всепобеждающую шпагу, сестру Франсуазу, друга Раймона Арины и калёные орехи.

Орехи Базиль колол не совсем обычным способом. Он подкидывал орех и ловко ударял по нему шпагой. Одно неудобное движение — и ядрышко ореха оказывалось на кончике клинка. Оставалось лишь снять его и отправить в рот.

Щёлк! Щёлк! Щёлк!

Причём Базиль с одинаковой лёгкостью колол орехи как правой, так и левой рукой.

Лучшие фехтовальщики Парижа брали у него уроки, пытались перенять завидное искусство. Но где там!

Один лишь лейтенант Поль де Шарнэ, дед которого в 1510 году учил фехтованию самого будущего короля-рыцаря Франциска I, добился в этом деле кое-каких успехов. Да и тот, работая правой рукой, портил не менее дюжины орехов, прежде чем насаживал на кончик шпаги одно ядрышко.

Но — увы! — время, когда попасть в ученики к Базилю считалось большой честью и денёжки сами текли к нему в карман, давно прошло. Нынче французам не до уроков фехтования. Вот уже не один десяток лет заняты они спорами вокруг религии и никак не могут прийти к единому мнению. На самом ли деле во время святого причастия хлеб и вино в руках священника превращаются в тело и кровь Христа или это лишь символ? Истинные католики считали превращение действительным. Их противники, гугеноты, доказывали обратное. Длительные споры привели к войне, а война разделила Францию на два враждующих лагеря.

Вот в результате чего Базиль оказался на мели и утром 7 августа 1570 года, когда его финансовые затруднения достигли предела, принял нелёгкое решение — расстаться с фамильной драгоценностью, с бриллиантом, который, помимо своей огромной цены, обладал ещё и скрытым волшебным свойством. Больше того,

лишившись бриллианта, Базиль терял возможность отомстить человеку, который погубил его мать. Но когда пусто в желудке, думаешь не только о мести.

— Пий, — повторил Базиль, — ты меня слышишь? Я принял решение, а потому у меня есть для тебя очень важное поручение.

Базиль снял с груди кожаный мешочек с бриллиантом и торжественно произнёс:

— Пойдёшь сейчас же к моему другу Раймону Ариньи на мост Меняля и отнесёшь ему вот это. А на деньги, которые он тебе даст, купишь побольше еды.

— Не, — просопел Антонио, — не пойду. Не помрём мы, выкрутимся. У вас от матушки единственная вещь осталась, а вы её — ростовщику. Надует он вас, ваша милость.

— Не смей так говорить о Раймоне! — возмутился Базиль. — Он мой друг. Выполняй, что тебе говорят. И без глупостей.

Дом, где жил Базиль Пьер Ксавье Флоко, находился милях в двух от моста Меняля, однако не прошло и четверти часа, как Антонио, тяжело дыша, вернулся.

— Ты уже здесь? — удивился Базиль. — И выполнил все мои поручения?

Ответить Антонио не успел. Снизу посылались сильные удары в дверь и ругань.

— Я видел, как он скрылся в этом доме! — грохотал неизвестный голос. — Проклятые гугеноты! Когда над святой церковью и тронем занесён меч нечестивцев, они отсиживаются по своим норам и ещё зарятся на чужое добро. У меня в кошельке было семь золотых экю. Я — племянник отца Мишеля, каноника Нотр-Дам. Ни один человек из этого дома не избежит виселицы.

Дрожа от страха, Антонио искал место, где можно было спрятаться, и явно собирался залезть под кровать.

— Ты много раз удивлял меня, Пий, — остановил его Базиль. — Но до подобного у нас ещё не доходило. Спустись вниз и верни племяннику достославного каноника то, на что у тебя осмелилась подняться рука.

— Не выдавайте меня, ваша милость! — взмолился Антонио. — Ведь меня и в самом деле повесят. Мне было жаль ваш камешек. Я иду, а этот племянник расплачивается у ларька и кладёт на прилавок кошелёк... Если бы я знал, что в таком драном кошельке могут лежать целых семь золотых экю, то никогда в жизни не взял бы его.

— Мне жаль тебя, — вздохнул Базиль. — Но я ничем не могу помочь тебе. Идём.

И он подтолкнул слугу к двери.

— Вот он, гнусный вор! — обрадовался племянник каноника, увидев на лестнице Антонио. — Где мой кошелёк, разбойник?

Пересчитав деньги и убедившись, что содержимое кошелька осталось в целости, гость несколько снизил тон. Однако по отношению к Антонио он остался непреклонным. Не тронуло гостя и то, что тот упал на колени и пытался поцеловать у него руку.

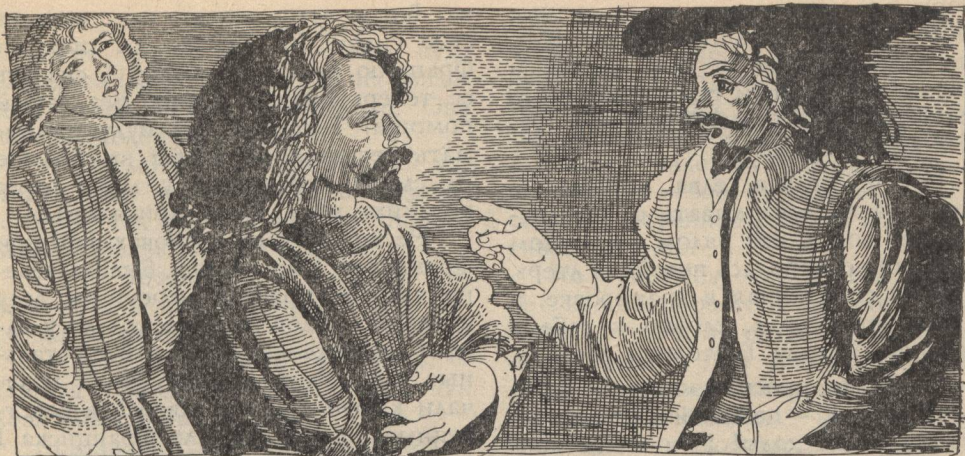
— Зря стараешься, — ответил высокопоставленный племянник. — Я ненавижу гугенотов. Шагу нельзя ступить, чтобы они не заглянули к тебе в карман. И всё оттого, что людям дали волю. Распустились так, что скоро вообще перестанут ходить в церковь. У каждого гугенота один удел — верёвка.

— Сударь, — позволил себе вмешаться Базиль, — мой слуга Пий... то есть Антонио совершил бесчестный поступок и достоин сурового наказания. Я с вами согласен. Но к гугенотам, заверяю вас, он не имеет абсолютно никакого отношения. Клянусь честью. Я готов вместе со своим слугой принести вам свои извинения, и если...

— Вы-то чего извиняетесь? — удивился гость. — Не потому ли, что заодно со своим мошенником?

— Месье, — проговорил Базиль, — я понимаю ваше состояние. Подчас в запальчивости мы произносим то, о чём позже жалеем. Я снисходителен и удовлетворюсь вашим извинением.

— Чтó?! — воскликнул племянник каноника. — У меня украли, и я же должен извиняться?! Экая наглость! Гугеноты — они гугеноты и есть.

«Или вы защищаетесь, или я проткну вас без предупреждения».

Стража! Где же, чёрт подери, городская стража?

— Поднимись с коленей, Пий, — сказал Базиль. — Этот господин без греха и потому привык швырять камни во всё человечество. Он не научился милосердию у Христа.

— Сударь, вы оскорбили меня! — вскричал гость, хватаясь за шпагу.

— Не нужно, — остановил его Базиль. — Я слишком хорошо фехтую. Вам будет трудно. Я — учитель фехтования Базиль Пьер Ксавье Флоко. Слышали это имя? А ведь жизнь прекрасна, месье. Особенно когда вы с утра плотно позавтракали, а семь золотых экю весело звенят в вашем кармане. Вы ведь сегодня завтракали? А я, признаться, ещё не успел. Простите великодушно моего слугу, а я прощу вас. И разойдёмся по-хо-

рошему. Мне так сильно хочется есть, что даже голова кружится.

— Трус! — вскипел гость. — Или вы защищаетесь, или я проткну вас без предупреждения.

— Но ведь не здесь же вы собираетесь протыкать меня, — улыбнулся Базиль. — Уважающие себя люди предпочитают Пре-о-Клер. Это рядом. Кроме того, мы ведь не будем драться без секундантов?

— Где угодно! Пусть никаких секундантов. Я и так потерял с вами уйму времени.

— Пий, — устало сказал Базиль. — Дай шпагу, перчатки и берет. Мы идём подышать свежим воздухом на Пре-о-Клер. А сам ступай к господину Раймону Ариньи и сделай то, что я тебе приказал.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ключи на стол!

В то самое время, когда Базиль Пьер Ксавье Флоко вместе со своим неожиданным гостем дышал знойным воздухом на Пре-о-Клер, двадцатилетний король Карл IX занимался в Лувре неотложными государственными делами.

— В этом виноваты одна вы! — кричал он, топая ногами. — По вашей милости они завтра окажутся в Париже.

Разговор, естественно, шёл о гугенотах. А та дама, на которую король топал ногами, была его матерью, вдовствующей королевой Екатериной Медичи.

А гневаться королю и впрямь было отчего.

Его милая мамочка по-прежнему ни в чём не желала считаться со своим сыном королём.

К примеру, раз сто требовал он,

чтобы она не входила в его личные покои через потайные двери. Нет, она завела ключи от всех дверей и считает возможным появляться через потайные ходы в любой комнате Лувра в любое время.

Вот и сегодня, едва маршал де Коссе начал докладывать о передислокации войск, как рядом с камином неслышно отворилась потайная дверь, искусно спрятанная в драпировке, и в кабинет короля, словно к себе в спальню, вплыла Екатерина Медичи.

— Я вас просил, мадам, — взорвался король, — не входить ко мне через потайные ходы! Я, в конце концов, король Франции, а не мальчишка! Вы не имеете права, когда я занимаюсь государственными делами... — Ему не хватило воздуха. Он побледнел, рванул на груди пурпур и рухнул в кресло.

В кабинете царил прохладный полумрак. Мягкие ковры и портьеры глушили звуки. Под картиной с изображением девы Марии, увенчанной веткой букса, дремала на бархатной подушке любимая королевская гончая Альфа. По краям картины висели длинная аркебуза и охотничий рог.

— Ваше величество, — проговорила Екатерина Медичи, не замечая ни состояния короля, ни картин, ни собак, — сегодня одними тактическими приёмами ведения боя делу уже не поможешь. Нужно придумать что-то, чтобы вырвать у гугенотов передышку. Надо, чтобы они нам поверили.

— Вы говорите так, чтобы, как всегда, остаться правой! — закричал король. — Но это одни слова! Всё началось с январского эдикта, благословлённого вами. О, этот январь шестьдесят второго года! Восемь лет назад! Тогда вы пообещали гугенотам исполнить всё, о чём они просили. Они вам поверили, а вы тут же обманули

их. Вот почему сегодня они возьмут своё силой. Вы, только вы привели Францию на край гибели! А спасти её теперь буду я! Один! Без вашей помощи! Теперь я сам буду принимать решения. И чтобы вы больше не смели появляться у меня через потайные ходы. Я вам приказываю!

Несколько слов о ключах. Ещё при Франциске I во дворце было заведено твёрдое правило: ключи от всех потайных ходов имелись только у одного человека — у короля. Все остальные члены королевской семьи получали ключи лишь от дверей в собственные покои. После Франциска I ключи вместе с короной перешли к его сыну Генриху II. От него — к Франциску II. Затем — к Карлу IX. Карл IX уселся на трон в десятилетнем возрасте. О ключах в то время, естественно, не думал. Ими владела его мать — Екатерина Медичи. А когда возникла о них речь — оказалось, что говорить об этом поздно. Вдовствующая королева не могла уже отказаться от того, к чему привыкла за десять лет.

— Вы, кажется, не совсем здоровы сегодня, ваше величество, — гордо проговорила Екатерина Медичи. — Позвольте мне удалиться.

— Ключи! — заорал Карл. — Ключи на стол! Вы слышите? Раз и навсегда! От всех комнат Лувра!

Екатерина отвязала от пояса тяжёлую связку ключей и небрежно бросила их на карту Франции, разложенную на столе. Ключи звякнули как раз в центре Парижа, прикрыв остров Сите и оба рукава Сены.

— Возьмите, — сказала она. — У меня есть запасные.

— Она издевается надо мной! — закричал Карл. — Она хочет свести меня в могилу. Но это у неё не выйдет. Немедленно сменить замки на всех моих дверях. И чтобы сделали по одному ключу. Только для меня!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Свидание

В то самое время, когда король Франции Карл IX, отыскав главную виновницу своих бед, топал на неё ногами, а Базиль Пьер Ксавье Флоко

вместе со своим неожиданным гостем дышал знойным воздухом на Пре-о-Клер, в судьбу нашего героя вошла женщина.

Звали её Сандрезой Шевантье.

Окна старинного особняка, куда Сандреза Шевантье пришла на свидание, смотрели на Пре-о-Клер. Она как раз подошла к окну:

— Посмотрите, мой brave капитан, вон тот худошавый брюнет, который так красиво владеет шпагой, весьма грациозен. Не правда ли?

— Я готов убить каждого, кто вам хоть немного понравится, — последовал ответ.

— Да перестаньте угрожать! — сказала Сандреза. — Поглядите, как ловко он парирует удары.

Красавица Сандреза Шевантье отнеслась к капитану Жерару де Жийю с иронией. Она была фрейлиной вдовствующей королевы, он нес службу по охране дворца, и как ни велик Лувр, но дорожки, по которым они ходили, пересеклись.

Есть люди, рождённые с талантом поэта или живописца, скульптора или музыканта. Сандреза появилась на свет со способностью самой первой узнавать о всех событиях, которые происходили в Париже. Благодаря своему блистательному дару Сандреза удостоилась чести стать фрейлиной вдовствующей королевы-матери, получив при дворе кличку фрейлины — главной сплетницы. А уж об амурных похождениях капитана Жерара де Жийю Сандреза имела сведения более чем достаточные.

А капитан был косноязычен.

— Вы прекрасны, как майская роза! — только и мог сказать он ей при встрече.

А однажды высказал свои чувства на бумаге. Это было удивительное послание. Оказалось — в груди нетёсанного грубияна трепетало благородное и нежное сердце.

Вот что написал ей капитан Жерар де Жийю:

«С тех пор, как я впервые увидел Вас, дорогая, мир наполнился для меня новым содержанием и расцвёл новыми красками. Если бы мне пришлось умереть, я бы умер с неохотой в тысячу раз более сильной, чем до того момента, когда узнал, что в этом мире существуете Вы. Но если бы

мне сейчас посчастливилось умереть за Вас, я бы умер в тысячу раз охотней, чем до встречи с Вами. Вы сделали для меня центром всех страстей, ценностей и желаний. Вы стали для меня эталоном истины. Потому что истина — это прежде всего красота. Всё истинное красиво и всё красивое истинно.

Не пугайтесь, мне от Вас ничего не нужно. Просто я не могу удержаться, чтобы не сказать Вам о своём чувстве. Для меня существует лишь тот человек, который умеет отказываться. Ребёнок — от конфеты, юноша — от удовольствий ради познания наук, зрелый муж — от земных благ ради высокой идеи, солдат — от собственной жизни ради победы.

Вы — чудо из чудес! Высшее из встретившихся мне земных благ. Но я вынужден отказаться от этого блага, зная, что смогу принести Вам только горе.

Я люблю Вас, Сандреза. Я пришёл в этот мир потому, что люди любили и до меня. Любили и искали истину. Я перенял их опыт любви и передам его дальше в века. Великая любовь требует великого подвига. Если мне предоставится возможность совершить его, я его совершу. Ради Вас. Ради любви. Ради истины».

— Вы прекрасны, как майская роза, — пробасил при очередной встрече капитан.

И Сандреза ответила ему:

— Здравствуйте.

— Ну! — расцвёл он в улыбке. — Это вы получили моё письмо. То-то! Я могу написать ещё и не такое. Вы ещё плохо меня знаете.

— Но когда мне было узнать вас, — возразила Сандреза. — Вы всегда так торопитесь, что не можете уделить несколько минут даме, которая давно жаждет познакомиться с вами.

Встреча не принесла Сандрезе радости. Её сердце, которое столь восторженно билось при чтении письма, при свидании сразу смолкло.

— Вы всё-таки взгляните в окно, — настаивала Сандреза. — Этот человек мне нравится всё больше. И если

«Поглядите, как ловко он парирует удары».

вы меня и впрямь любите, то поклянитесь, что и пальцем к нему не приронетесь.

— Ещё чего!

— Тогда прощайте!

— Нет! — воскликнул капитан. — Не уходите, я согласен!

— Так клянитесь же!

— Клянусь гвоздями Христа! — стукнул себя в грудь капитан.

— Вы умница. Не грустите. Я сейчас.

И, выскользнув из комнаты, она исчезла.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Поединок натошак

В тот день стояла непривычная для Парижа жара. Секундантов Базиль Пьер Ксавье Флоко и племянник достопочтенного каноника не взяли. Во время дуэли на Пре-о-Клер не присутствовало ни одного постороннего человека. Однако, когда стих звон шпаг, внезапно нашлись два очевидца, которые свидетельствовали против Базилья. И, оказавшись в тюрьме по обвинению в преднамеренном убийстве да ещё с целью ограбления, Базиль Пьер Ксавье Флоко приуныл.

Преодолев все тюремные запреты, первой к нему в камеру проникла сестра Франсуаза. Маленькая, подвижная, в чёрном монашеском одеянии, она упала перед Базилем на колени и воздела к распятию руки.

— Не у господ бога прошу, у тебя вымаливаю, братец! Не ропщи на тюремщиков и судей. Признай всё, в чём тебя обвиняют, очисти свою душу. И бог примет тебя в лоно своё.

Она ничуть не менялась, его

единственная сестра. Бог, покаяние и жертвенность — вот чем она жила.

Мать Базилья умерла. Он знал, что в этом виноват отец. Малышу она оставила волшебный бриллиант и завещание — отомстить убийце за свою гибель. Воспитывался Базиль у сестры матери, своей тётки, у которой была дочка Франсуаза. Когда Франсуаза подросла, маленький Базиль сделался предметом её постоянных забот. Сначала Базилью, а потом себе — так решила она в детстве. Сначала людям, а затем себе — так она делала всю жизнь.

— Уйми гордыню, Базиль, — уговаривала его Франсуаза. — Признайся им: нашло затмение, сам не ведал, что делаю. Виновен. Мерзкая плоть просила пищи. Рука дьявола направила меня к тем семи золотым экю, лишив разума.

— Послушай, Франсуаза! — Базиль поднял сестру с каменного пола. — О каких семи золотых экю ты

говоришь? Опомнись! Если о тех, на которые позарился Пий, то я своими глазами видел, как он вернул их племяннику каноника.

— Зачем ты убил его? — бормотала Франсуаза сквозь слезы. — Зачем взял деньги?

— Но я не брал их! — закричал Базиль.

— Каноник Нотр-Дам возбудил против тебя дело по обвинению в преднамеренном убийстве с целью ограбления.

— Он лжёт!

— У каноника есть два свидетеля, которые подтвердили это под присягой. Пусть они предадут свои души дьяволу. А ты спасёшься.

«Спастись ценой собственной смерти?!» Такое не для Базилья. Он сделал всё, чтобы избежать поединка, даровать противнику жизнь. Племянник каноника был сам во всём виноват. С первого же выпада, без всякой разведки он бросился в атаку, впустую расходуя уйму сил.

— К чему столько лишних движений? — сказал ему Базиль, будто вышел не на бой, а давал обыкновенный урок одному из своих учеников. — Обратите внимание, как вы дышите. Я не сделал ещё ни одного выпада и почти не защищаюсь. Теперь смотрите. Оп-ля! — Неуловимое движение шпаги, и пуговица с рубашки племянника каноника оказалась срезанной под самый корешок.

— Видите пуговицу? — спросил Базиль, поднимая её за нитку и поматывая ею, как колокольчиком. — Таким же манером я могу отрезать вам нос. И всё это, заметьте, я сделаю левой рукой. Но если желаете, могу и правой.

— Проклятый гугенот, — задыхался от гнева противник. — Я всё равно убью тебя. Я дотянусь до тебя хоть с того света.

— Да нет же, — убеждал его Базиль, — вы заблуждаетесь. Вы не можете дотянуться до меня на этом свете, а угрожаете оттуда.

— Не кощунствуй, еретик! — хрипел соперник.

— Может, вас немного протрезвит вид крови? — спросил Базиль. — Где прикажете вас чуточку продыря-

вить? Хотите дырку в мочке левого уха? Оп-ля!

И на мочке левого уха племянника каноника как бы сама собой возникла капелька крови. Но укол, однако, оказался столь деликатным, что противник не ощутил его.

— Да у вас сейчас, наверно, отрубят оба уха и нос, вы ничего не почувствуете, — огорчился Базиль. — Неужели придётся идти на крайнюю меру? Но вам придётся месяцок поносить правую руку на перевязи. Кость я не трону, только мышцу. Оп-ля!

Но, видно, голод плохой помощник на дуэли. Натошак, да ещё в такую жару, лучше сидеть где-нибудь в погребе, чем плясать под палящим солнцем на Пре-о-Клер. Жало шпаги, вспоров рукав рубахи, скользнуло под мышку и глубоко вошло меж рёбер.

— Помни, еретик, — простонал племянник каноника, — я всё равно приду за тобой с того света.

Не в силах даже вытереть шпагу, почти теряя сознание, Базиль дотаскился до стены ближайшего дома, там была тень, и опустился на траву.

Очнулся он от грубого толчка. Над ним стояли четверо бородатых солдат, вооружённых аркебузами. Ангелы, наверное, не дотаскивали ещё душу племянника каноника до ворот рая, а четверо бородачей уже доставили Базилья в тюрьму Шатле, где ему и предъявили обвинение в убийстве с целью ограбления.

На другой день пришёл в тюрьму к Базилью Раймон Арины.

— Ещё немного — и ты будешь на свободе, — заверил он. Ростовщик считал, что единственный ключ, который безотказно открывает любые двери, сердца и уста, — это деньги. Небольшого роста, хромой, с лицом, туго обтянутым кожей, отчего оно казалось неподвижным, Раймон обладал замечательным талантом: он всегда точно знал, кому, когда и сколько нужно дать денег, чтобы взамен получить денег или услуг больше, чем дал.

— Кожаному мешочку с камешком, — сказал Раймон, — сейчас действительно лучше полежать у меня. Ты прав. Но это вовсе не значит,

что я принял какие-то твои условия. Глупость и ещё раз глупость. Мы с тобой друзья. А дружба деньгами не оплачивается.

В тюрьме всем, кому он счёл нужным, Раймон уже заплатил. В суде — тоже.

— Противник, — пояснил он, — я думаю, затрат тоже не пожалеет. Но ведь и мы кое на что годны.

А вечером того же дня тюремный страж протянул Базилю записку.

«Крепитесь, — было написано в ней. — Клеветникам не удастся сделать чёрное дело. Вы дрались честно и красиво, я видела. Истина — это прежде всего красота. Она восторгает. Немного терпения. Я помогу Вам.

С».

Базиль долго вспоминал, у кого из его знакомых имя начинается с буквы С, но так и не сумел вспомнить.

Продолжение следует.

узелок

Рис. Д. МАЙСТРЕНКО
Текст Ю. БУКОВА

ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ!

Фотограф сделал один за другим два снимка. Но они получились не совсем похожими. Сколько в них различий и какие!

Три „альп-узла“

Радий Погодин Маков Цвет

I

В Новгороде это случилось.

В Новгороде произошло.

В замечательном городе — древнем Новгороде.

И хоть не так давно, только люди в суете уже позабыли — дело обычное. Позабывать легко, как с горки скатываться.

А началось всё с мамы.

Попугаеву Вовке мама подарила на Новый год нырляльные ласты, хоккейную маску, килограмм леденцов и билет на «Ёлку» в Дом культуры химиков.

Проснулся Вовка — а подарки на стуле, ленточками перевязанные шёлковыми.

Вовка ленточки сдёрнул. Тут же схрустал горсть леденцов. В нырляльных ластах и в хоккейной маске пошёл умываться и завтракать.

А на завтрак были оладьи и четыре сорта варенья. Вовка поел сытно. Каждый знает: чтобы оладьями завтракать, хоккейную маску нужно сдвигать на лоб. Отдышался Вовка. Хотел было и в Дом культуры химиков на «Ёлку» идти в ластах и в маске, но мама стала в дверях и воскликнула:

— Ты меня убиваешь, Вова!

Что она имела в виду, Вовка не понял.

Был Вовка упитан, розовощёк, лицо имел гладкое, надутое изнутри здоровьем, незатейливым честолубием, благодушной гордостью и незатруднительной любовью к родителям.

Два дня веселился Вовка без усталости, на третий день прибыл он со своим замечательным первым «А» классом в городской музей на экскурсию. В новом костюме клетчатом с девятью карманами.

Ну что в том музее — что? Не для весёлых каникул дело: топоры каменные, платья старушечьи, шали,

полотенца, ложки, плошки, веретёна.

Ходил Вовка, скучал. Крутил в руках малиновый карандаш. Затылок карандашом чесал. Веснушек себе наставил малиновых. И, скучая и зевая, нарисовал Попугаев Вовка на белой мраморной колонне Скверняшку кривобокого, с перекошенной рожей и щербатыми треугольными зубами.

И ничего не почувствовал он сначала: ни задорного страха от своего озорства, ни стыда, ни раскаяния. И не заметил он, что белый нежно-задумчивый мрамор зашелушился и сморщился. Не заметил, что всё вокруг сделалось вздорным: скульптура — «тяп-ляп», вышивки — «шпалей-валей», росписи — «разлюли-малина». Парча скукожилась. Эмали выцвели. Портреты покрылись синюшными пятнами и бородавками. Вазы стройные огорбятились. Не заметил ничего этого Вовка Попугаев. И никто из его одноклассников-первоклассников не заметил.

Но какое-то время спустя ощутил Вовка внутри себя лёд. Будто он проглотил сосульку, и сосулька эта стоит в груди прямо под косточкой и не тает.

Вовка горячего чаю попил — не тает.

Какао попил — не тает.

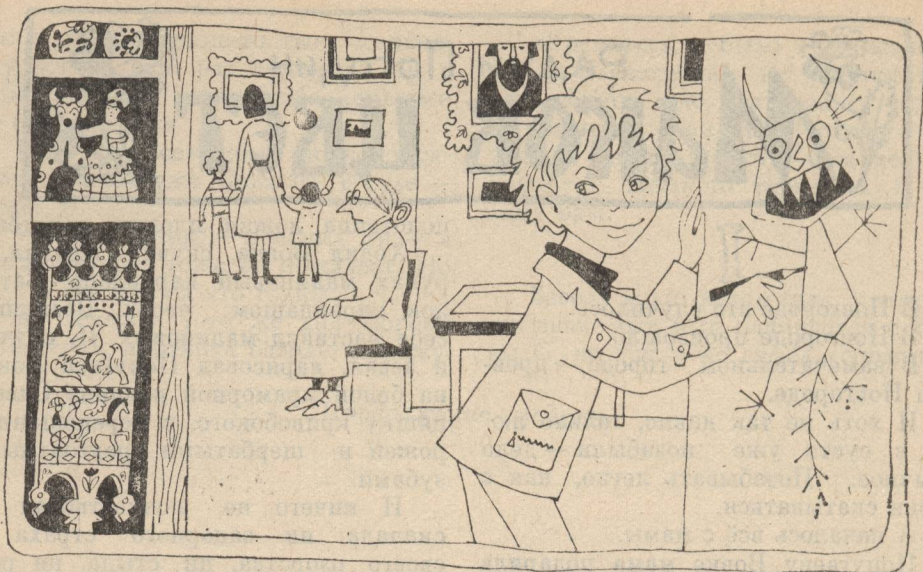
Вскипятил пепси-колу. Попил — не тает.

Уселся Вовка грустный перед маминим большим зеркалом, в сто первый раз примерил ласты и маску. А они к нему и прилипли. Приросли.

Сдёрнул Вовка левый ласт — больно. Сдёрнул правый — больно. Потянул маску с лица — не снимается. Испугался — а ну как вместе с маской сорвутся и нос, и уши.

Закричал Вовка в ужасе.

Прибежала мама. Бросилась помогать Вовке. А Вовка кричит: «Ой, больно, больно, больно!»

Позвала мама для Вовкиного спасения соседей по лестничной площадке: соседа-шофёра, соседа-инженера, соседа-портного. Вовкин папа, испытатель парашютов, был в это время в командировке в секретной местности.

Соседи совещались долго. Выпили бидон кваса и решили проконсультироваться на работе у новаторов — у новаторов передовой ум и свежие мысли.

Хотела мама позвонить мужу по особому каналу связи, но не решилась — у мужа шла серия ответственных затяжных прыжков.

Позвала мама слесаря-водопроводчика дядю Васю. Принёс дядя Вася ящик инструментов: и ножницы по железу, и напильники, и тиски, и клещи, и зубила. Стал Вовку спасать. Но весь инструмент его сразу попортился — согнулся и затупился.

— Автогеном надо.

Автогеном мама не разрешила.

Позвонила она учёным-химикам.

— Кислотой надо. Азотной.

Кислотой мама не разрешила.

Позвонила в «скорую медицинскую помощь».

«Скорая медицинская помощь» тут же приехала, гудя и мигая, а уехала тихо — оказалась бессильной.

Прознали об этой беде Вовкины одноклассники. Пришли и прямо с порога — авторитетно:

— Попугаев, не хнычь. Мы справимся. Силой мысли.

Но оконфузились.

Тогда они съели все леденцы, запили чаем, а девочка Люся взяла у Вовки автограф. Она сидела с Вовкой за одной партой. Иногда, особенно в те дни, когда Вовка не толкал её локтём в бок и не терзал её фразами вроде: «Слышь, Люська, дай списать арифметику», или «Ну, Люська, ты у меня получишь за вредность», — Люся к Вовке относилась ласково, как сестра, и угощала его вкусными бутербродами.

А может быть, началась эта сказка ещё раньше, в Москве, в тот день, когда ещё один первоклассник, розовый от мороза и сытного завтрака, нацарапал на Царь-колоколе: «Я тут был. С бабушкой Элеонорой».

А может быть, в Ленинграде, когда другой первоклассник, тоже розовый от здоровья и силы, написал на спине мраморной девы: «Моряком быть лучше».

А может, в Киеве, когда очень весёлый ученик первого класса написал на Золотых воротах: «Вася Пузырь».

А может, в Риге, когда девочка-первоклассница нарисовала мелом на только что покрашенной стене дома барышню и написала с ошибками: «Прикрасная прынцесса».

Но может быть, ещё раньше. Потому и сказка, что начало её уходит в самую глубь времён, может быть, даже во времена царизма.

А той ночью в Новгороде, когда луна стала близкой и тёплой, как настольная лампа, в городском музее появилась волшебница Маков Цвет.

Лёгкой поступью, в козловых полусапожках, в полущубке расшитом, в полущалке ярком прошлась она по паркету.

Остановилась у мраморной колонны, на которой Попугаев Вовка нарисовал Скверняшку косого, кривоносого, кривоногого, четырёхпалого, с перекошенной рожей и щербатыми треугольными зубами. Стояла долго. Потом тихонько заплакала. И тут зашуршало вокруг неё что-то, залопотало, томясь и жалуясь, — это обезображенная Вовкиным пустомыслием красота стала осыпаться пылью с полотенец древних, скатертей старинных, с набивных шалей, вышитых рубах, златотканой парчи, с расписных ложек, с изразцов и финифти. Всё осыпалось и свивалось в клубки, как обычно свивается в клубки пыль.

Окружили эти клубки волшебницу Маков Цвет. Вот они подвинулись ей по поясу. Кошлются. Стонут.

Сняла волшебница Маков Цвет пушистые белые рукавички, сказала заклинание да в ладошки тихонько хлопнула. И поплыли туманы цветные: и синие, и зелёные, и фиолетовые — всякого оттенка. От этих туманов клубки пыли как бы засветились изнутри и вдруг обернулись ландышами, танцующими девушками, лошадками, козами, сороками, петухами...

Плачут:

— Как Вовка-то Попугаев по волшебному столбу малиновым карандашом черкал — так по нам словно острым ножом... Отпусти ты нас, Маков Цвет, в пределы, в которых мы зародились.

— Отпущу, — сказала волшебница. — Ступайте. Летите.

Хлопнула она ещё раз в ладошки. Полыхнула молния. Завинтился вихрь. Засвистало печальным свистом.

Луна за окном стала ещё желтей.

Попугаев Вовка в этот момент проснулся, ноги в ныральных ластах свесил с кровати. Приснилось Вовке, будто всё, что было в нём хорошего, весёлого, доброго, выпрыгнуло из него в виде птиц, лошадок, цветов, петухов, леопардов, построилось тесными парами, как детсадовцы в дождь, и ушло. Вовка даже их грустные разговоры слышал, мол, как же теперь Вовка будет жить — нет у него ничего святого. Мол, кому красоты не жаль — тому ничего не жаль.

— Мама... — прошептал Вовка.

Мама прибежала — мамы шёпот детей хорошо слышат. Поставила Вовке градусник — градусник покрылся инеем. Обложила мама Вовку грелками, напоила горячим чаем с малиной, земляникой, черникой и клюквой. Отошёл Вовка, порозовел. Лесные ягоды ему цвет дали — в лесных ягодах всё есть, чего нет в садовых.

И весь Вовкин класс, первый «А», в ту ночь проснулся. Всем стало холодно и тоскливо. Всем захотелось поплакать.

III

А волшебница Маков Цвет в музее сидела, на сундуке, который был недавно изукрашен розами, и ревели. Потом слезы рукавичкой промокнула и сказала:

— Вовка Попугаев, прибудь.

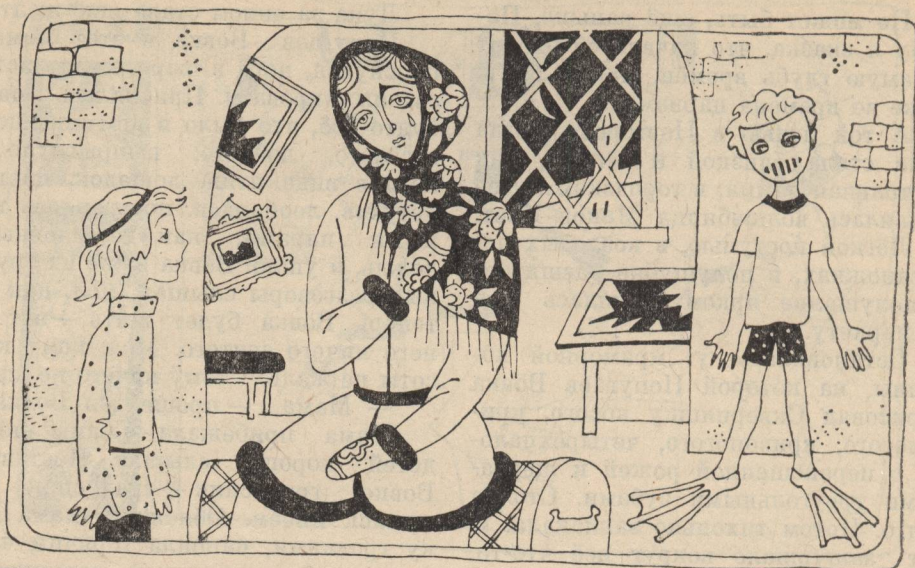
Раздалось шипенье, хрипенье, словно в водопроводе кончилась вода, и Попугаев Вовка явился — прибыл. Как есть: в ночной рубаше, в ластах, в маске. Заспанный.

— Хорош, — сказала волшебница Маков Цвет. — Переслащённый, перевитаминенный, пересметаненный. — Приблизила ухо к Вовкиной груди. — Сердце у тебя, Вовка, не бьётся.

— Не бьётся, — согласился Вовка. — Оно стучит, как пламенный мотор.

Волшебница Маков Цвет провела по колонне ладошкой. Скверняшка свалился на пол. Стоит на кривых ногах перед Вовкой, зубы скалит.

— Вот так, — говорит волшебница Маков Цвет. — Избыток жиров,

белков и углеводов, витаминов, гормонов, сахаров, мармеладов и шоколадов мы сейчас из тебя, Вовка, в Скверняшку перенесём. Будет два Вовки. Одному не справиться — очень трудное будет дело.

Защипало у Вовки во всех местах, защекало и зачесалось, а когда унялось — глядит Вовка, а перед ним такой же Вовка стоит. Только голый. И глаза скорбные.

Подобрала волшебница Маков Цвет новому Вовке одежку по росту из музейных выцветших экспонатов. Заклинание сказала...

В колонне — будто дверь отворилась в лето. Очень далёкое, давнее. Вовка это сердцем почувствовал. Сердце у него уже не стучало, как пламенный мотор, а билось негромко, и даже щемила его тоска — может, от раздвоения.

— Ну, всего тебе, Попугай, — сказал второй Вовка. — Жди от меня вестей. Да не трясись, я постараюсь самостоятельно справиться.

— А зовут тебя как?

— Так и зовут — Полувовка. — Полувовка улыбнулся и ушёл. Туда — в то далёкое.

В залах музея свистнуло сильно. Мигнули дежурные лампочки. Коты и кошки на крышах стали чернильного цвета. Жёлтая луна в небе — оранжевой.

Вовка Попугаев снова оказался в своей кровати. Сидит, ноги свесив, но

чувство у него такое, что он идёт. И одиноко ему, и страшно. А идти надо.

«А может, он и не Полувовка, а он — это я, — подумал Вовка. — Может, ему волшебница Маков Цвет всё моё самое лучшее отвалила. А я, может, теперь совсем никто».

И заплакал Вовка Попугаев от жалости к самому себе громкими горько-солёными слезами.

Первый «А» — двадцать девять человек (с Попугаевым их было тридцать) на следующий день пришёл в школу. Сказал первый «А» нянечке тёте Лёле: «Нам песню разучивать» — расселся за парты и некоторое время молчал.

Все видели в эту ночь странные сны. Синих лошадей с электрическими глазами. Красных жестяных козорогов. Жёлтых раков. Все эти сомнительные животные странно подмигивали и говорили: «Мы, только мы. Наш, только наш...»

Но, наверное, самый странный сон видела Люся. Снилось ей целое поле ломаных игрушечных автомобильчиков. Идёт по этому полю Попугаев Вовка один-единёшенек, худой-прехудой, совсем малокровный, в ластах и в маске, и на глазах ржавеет.

— Надо ему помочь. Если не мы, то кто же? — сказала Люся.

Тут поднялся шум, мол, кто жё спорит — один за всех, и все за одного! Посыпались предложения. А имен-

но: сводить Попугаева в баню — в парилку, потом окунуть в прорубь... Напоить постным маслом, чтобы насквозь промаслило... Устроить ему вибрацию...

Староста Петя Ковалёв прекратил это слововерчение и призвал отнестись к вопросу серьёзно.

Первоклассники, как и первокурсники, это же всем известно, ребята толковые — самые замечательные мужики. Они уже многое знают, но ещё не накопили самодовольства, чванства и самомнения. Это не пятиклассники, которые только и думают, что они силачи и верзилы, и не пятикурсники, у которых уже свои дети есть.

Первый «А» быстро и собранно выделил из своей среды «мозговой трест» в составе трёх человек, а сам помчался на улицу кататься кубарем с ледяной горы.

В «мозговой трест» вошли отличники Петя Ковалёв, Даля Напускайте и устойчивый троечник Яшка Кошкин. Яшку взяли для сумасшедших идей и оригинальных мыслей.

Кошкин предложил вывезти Вовку в Париж и там демонстрировать как достижение научной мысли, мол, у нас — вот, а у вас — нету.

Отклонили с негодованием.

Кошкин предложил раскормить Вовку пончиками, от пончиков всё лопнет — и одежда, и маска, и ласты.

Отклонили из человеколюбия.

Яшка предложил подключиться к какой-нибудь летающей тарелке и переключить груз решения проблемы на плечи инопланетников.

Отклонили за неимением тарелки.

Тогда Яшка предложил подключить Попугаева Вовку либо к шаровой молнии, либо к Далиному японскому телевизору. «Как шарахнет!» — уверял Яшка.

Отклонили по многим причинам.

Сами отличники не могли придумать ничего.

Тогда обидевшийся на них, но отходчивый Яшка Кошкин предложил разделить класс на две группы, по интересам. У кого интерес к науке, пусть выводят специальную по-

роду муравьёв, которые пластмассу и резину жрут, а кожу тела не трогают. У кого интерес к спорту, пусть разрабатывают правила игры под названием ватерхоккей. Этот спорт специально для Вовки, поскольку он первый на Земле человек-хоккеист. С него всё начнётся. Сначала Попугаев Вовка будет гениальным голкипером, потом заслуженным мастером спорта, чемпионом мира и Олимпийских игр и, наконец, памятником из бронзы. К памятнику съедутся толпы болельщиков со всех континентов.

— А мы, его друзья и товарищи, будем рассказывать, каким замечательным и образцовым был Попугаев в детские годы...

Задумался «мозговой трест».

— У меня дядя, мамин брат, спортивный начальник. Возглавляет приток молодых. Его ватерхоккей взволнует. — Это Яшка Кошкин сказал.

— У меня мама генетик — спрошу насчёт муравьёв. — Это Петя сказал.

— Везёт лоботрясам. — Это Даля сказала. — Скоро о нашем Вовке узнает весь мир. Пошли кататься с горы.

Последнее предложение «мозговому тресту» пришлось по душе.

С шумом и гиканьем помчались они кататься с ледяной горы, где давно визжал, пытел и летел куда-то первый «А» класс.

А Попугаев Вовка сидел дома. Сильно переживал. Какая у него была перспектива? А никакой.

Брюки не надеть — ласты мешают.

Лежит Попугаев на диване, и слёзы бегут по его бледным впалым щекам под хоккейной маской. «Я больше не буду», — говорит он мысленно. Знает, что провинился, только не знает — в чём. И волшебницу Маков Цвет, и волшебную мраморную колонну, и Полувовку грустного не помнит — заспал. Первоклассники всё заспать могут. Особенно если сон приснится летний. Кажется Вовке, будто идёт он по тёплой траве. Пчёлы гудят. А он всё в гору, всё в гору...

(Продолжение следует)

Рис. Ю. Беломлинской

ВМЕСТЕ ВЕСЕЛО ШАГАТЬ

(К рисунку на 3-й странице обложки)

- Маргарита Анатольевна, почему вы сегодня такая грустная!
- И вы это заметили! Ну, сегодня-то я ещё ничего, немного успокоилась, а вот вчера — просто места себе не находила.
- Что случилось!
- С куклой пришлось расстаться. С тигрёнком. Помните — вот здесь сидел, оранжевый такой, с полосками. Головастый! Теперь он на телевидении «работает», помогает ребятам изучать иностранные языки.
- Так это же замечательно! В хорошие руки тигрёнок попал, и при деле...
- Нет, никогда вы, видно, не поймёте, что значит для человека кукла, которую сам придумал и всю сделал своими руками. Да разве только руками — сердцем! В ней — и труд твой, и мысли, и настроение, и характер...
- Как же мне вас развеселить?
- А это и не требуется. Я своё настроение поправляю работой. Начинаю работать — и всё встаёт на свои места.
- Тогда давайте поработаем. Ведь мы должны сегодня рассказать читателям «Искорки», как сделать кукле туловище. Помните, мы обещали! В прошлом, апрельском, номере вы показали, как ребята могут сами из материалов, которые всегда под рукой, сделать голову собаки или крокодила. Я знаю, что немало ребят воспользовались нашими советами и теперь сидят с готовыми собачьими и крокодильими головами, а туловища — нет, играть нельзя.
- Немедленно выполняю своё обещание.
- Прежде всего каждому нужно решить, какую собаку хочет он иметь — большую или маленькую.
- Я бы хотела большую. Ростом до моего плеча.
- Можно и такую. Возможности у кукол безграничные.
- А теперь внимательно посмотрите на себя, на своё туловище. На вас одёжда — и куклу нужно будет одеть тоже.
- А под одёжкой — кожа, мышцы, кости, суставы. Всё это должно быть и в туловище куклы тоже.
- Хорошо, если в доме есть старые, отслужившие своё колготки: они будут служить «кожей» для ног. Набейте их тряпьем — «мускулами». Обуйте собачьи «ноги-лапы» в тапочки без задников, но [помните!] тапочки не должны быть маленькими, ведь в них встанут потом ещё и ваши ноги.
- Теперь — верхняя часть туловища. Её сделать посложнее. Найдите старую детскую футболку с рукавами: это «кожа». Из картона сделайте цилиндр («грудная клетка») и вложите его в футболку. Теперь самое сложное — «руки-лапы», ведь они должны сгибаться в локтях. Для этого вложите в каждый рукав футболки по две банки из-под стиральной пасты («мускулы»), зашейте рукава снизу и перевяжите их в середине между банками («локтевой сустав»). И ещё не забудьте к каждому рукаву пришить по перчатке. Пришивайте их с одной только стороны — ведь эти перчатки [помните!] вы наденете потом на свои руки.
- Соедините верхнюю часть туловища с нижней — и пожалуйте, куклу можно одевать. Тут уж мои рецепты не потребуются: каждый придумывает свою одёжку. Самое простое — рубашка и брюки.
- Такой готовой куклой лучше всего управлять вдвоём. Один «работает» с ногами и руками собаки, другой — с головой и хвостом. Про хвост не забудьте — а то что это за собака без хвоста!!
- А если у меня будет маленькая собака! Знаете, есть такие, их, по-моему, только на руках и носят.
- Можно и такую. Голова этой собаки будет у вас надета на левую руку, причём мизинец и большой палец вашей руки — это передние лапы собачки.
- А туловище!
- Это кисть вашей руки. Накиньте на неё попонку, пошевелите «лапками», повертите «головкой». Здорово!
- А хвост!
- Хвост — обязательно! Сделаем хвост из пружинки, которую обожьём тряпкой или мехом. Наденьте на запястье резинку, под неё — кончик хвоста. Так хвост и удержится.
- Вот теперь по-настоящему здорово! Можно я возьму эту собачку в редакцию «Искорки»? Нам ведь пора прощаться. Что вы пожелаете нашим читателям на прощание?
- Прежде всего — хороших каникул. И, конечно, — любимых игрушек, сделанных своими руками.

Беседу вела К. Борисова

Окончание. Начало в «Искорке» № 1, 2, 3, 4.

Я родился в День Победы, когда окончилась Великая Отечественная война, поэтому меня назвали Виктором, что значит — победитель. В 1945 году всех родившихся мальчиков называли Викторами, а девочек — Викториями, оттого что все были рады победе над фашизмом.

Жизнь моя началась сразу после войны и стала называться послевоенным детством.

То, что у меня было трудное послевоенное детство, я узнал уже тогда, когда оно кончилось, а в детстве я над этим не задумывался, потому что у меня был велосипед. Единственный во дворе — красный двухколёсный детский велосипед, на котором катались все ребята со двора и даже семиклассник Женья Платонов, с ногами такими длинными, что и педали вертеть уже не мог, а ездил, отталкиваясь ногами от мостовой. Очень крепкий был велосипед, долго не ломался.

А других игрушек не было. И витаминов не было. Очень многого тогда не было или было мало, за всякими товарами и продуктами выстраивались длинные очереди, и мне в моём детстве очень много приходилось стоять в очередях.

А сейчас всего много, особенно игрушек. И теперь, когда я прихожу в универмаг, я сразу же иду в отдел механических игрушек, как будто хочу какую-нибудь из них купить, но на самом деле мне просто хочется поиграть или попробовать в действии все эти заводные самолёты, автомобили и поезда. Я долго играю ими, пока на меня не начинают сердиться продавцы. Тогда я ухожу.

Наверное, есть такая профес-

сия — испытатель игрушек. Счастливые люди — испытывают самолёты и ракеты, я бы тоже хотел заниматься этим делом. На свете есть много хороших занятий, но лучшие из них — это испытывать игрушки и кормить лебедей из рук. Мирные это занятия, невозможные в военное время: и детям и лебедям плохо приходится в войну.

И мне ещё повезло, что у меня детство было послевоенное. У многих моих друзей детство было военное, и если мне не хватало игрушек, то им не хватало хлеба, и они могли умереть от голода в блокаду или их могло убить снарядами, которых тогда много бросали на Ленинград.

Моя бабушка работала кипятильщицей. Было это очень давно, тогда ещё не было парового отопле-

ния и газовых плит. И когда рабочие люди забегали домой на обеденный перерыв, то для того, чтобы подогреть себе суп или сварить кашу, надо было растапливать холодную чёрную печку. А это очень долго. Так они уходили, не успев поесть и даже чаю выпить. И поэтому моя бабушка работала кипяtilщицей. Она сидела у огромного, как водонапорная башня, закопчённого снизу кипяtilьника и подбрасывала дрова в большой огонь под ним, чтобы всегда был горячий кипяток. И люди приходили к ней с бидонами, чайниками и вёдрами, и становились в очередь, и брали кипяток. Лиц их не было видно за паром. А потом варили себе чай и геркулесовую кашу.

Когда моя мама приходила с работы, она говорила:

— Возьми чайник и сходи к бабушке за кипятком.

И я брал большой, как я, чайник и криво отражался в его медных, начищенных как зеркало боках. Весь мир в нём отражался. Вся улица. И дома, и деревья вдоль тротуаров. И всё было жёлтым. А между деревьями шёл я, и мне казалось, что идёт осень.

Кто не охотился на тигров в джунглях Юго-Восточной Азии?

Все охотились на тигров в джунглях Юго-Восточной Азии. Даже рассказывать неинтересно. Но я могу дать вам один очень полезный совет.

Когда едешь на слоне — а я люблю охотиться на тигров со слонов, — так вот, когда едешь на слоне и сидишь у него на голове, между ушами, и вдруг хлынет тропический ливень, от которого буквально негде укрыться и не спасут ни-

какие зонты и плащи, то надо взять слона за концы его больших висячих ушей, поднять их вверх и запахнуться ими с головой. И тогда вам не страшен никакой, самый пронзительный тропический ливень. При этом, конечно, надо заткнуть дырки в слоновьих ушах ватой, чтобы ему в голову вода не попала. Это удобно ещё и потому, что он не будет слышать и бояться тигриного рычания, когда тигры начнут рычать. Можно заодно заткнуть уши и себе.

Кто не охотился на аллигаторов в верхнем течении Нила?

Все охотились на аллигаторов в верхнем течении Нила.

А кто катался на кобыле Машке, которая жила в деревне Юркино Новооскольского района Псковской области?

Никто из вас на ней не катался и не прокатится больше никогда, потому что вот уже десять лет назад она умерла от старости и тяжёлой работы. А я катался, и даже ездил на ней в ночное с деревенскими ребятами. Хотя ездить на ней было очень плохо — очень худая она была. Тощая очень. И глаза у неё были мутные и слезились. Слепни и мухи садились ей на глаза, и я отгонял их ольховой веткой. Старая она уже была, но беременная. Жеребая. Жеребёнок у неё должен был родиться. Может, и родился. И поэтому живот у неё был огромный. Хребет выпирал, как у селёдки, а живот — чуть не до земли.

Я и сейчас немного вешу. А тогда ещё меньше весил. Ей, наверное, не очень тяжело было меня возить. Или тяжело? Но мне другой лошади не давали. Машка была самой спокойной кобылой. И двигалась она не рысью, и не галопом, и не иноходью, а каким-то подпрыгивающим шагом, от которого я всё время заваливался набок и медленно сползал с неё, через её раздутый живот, и падал на землю, но не ушибался, потому что ехали мы по только что вспаханной земле.

По пашне, мягкой и тёплой, как лошадиные губы...

А в августе я и мой друг Миша Чистяков и наши мамы поехали на дачу в Швейнчеонелай. Это в Литве, и там много фруктов.

Мы снимали комнату у хозяина, которого я забыл как звать и который ел сало с мёдом. Он отрезал большой ломоть хлеба, клал на него толстый кусок сала, а поверху густо мазал мёдом и ел, не давился.

А ещё у него была собака по имени Рекс, по породе волкодав. Когда Рекс сидел на цепи, то лаял на всех, кто бы к нему ни подходил, кроме хозяина, который ел сало с мёдом, а Рекса кормил овсяной кашей. А мы ему бросали сахарное печенье, но только издали, чтобы не укусил. Когда же его спускали с цепи, он сразу становился добрым и бегал с нами купаться на реку и плавал лучше меня.

Я плохо плаваю и тонул в этой реке два раза. И один раз утонул совсем. Но сначала я расскажу, как я не полностью утонул и сам спасаю. Я решил переплыть эту реку, потому что все её переплывали, и Рекс, и Миша Чистяков тоже. Она была совсем не широкая. И когда мы одни, без мам, пошли купаться, я начал её переплывать. Я проплыл метров десять от берега и пошёл ко дну. Дно было близко, и я встал на него и пошёл под водой дальше. А когда у меня кончился кислород в лёгких, то я подпрыгнул, хлебнул воздуха, опять опустился на дно и пошёл дальше. Так я и дошёл до противоположного берега и даже воды не наглотался. Главное, когда тонешь, — это не поддаваться панике. Так написано на всех плакатах для утопающих.

И второй раз я тоже не поддался панике, но утонул, потому что было очень глубоко и достать до дна и подпрыгнуть я не смог, а кричать было стыдно, а когда было уже не стыдно, то было поздно. И я утонул.

А очнулся только тогда, когда из меня откачали уже всю воду. «Ведро два воды в тебе было», — сказал Миша Чистяков. А заметил, что я тону, и спас меня один молодой человек в красных плавках. И когда моя мама, вся белая и в слезах, начала благодарить его и спросила, как его зовут, то он засмутился и убежал. Я бы, конечно, тоже засмутился и убежал, но имя надо было сказать, потому что я хотел написать про него в газету заметку «Так поступают комсомольцы». А про кого же я напишу, если единственное, что я о нём знаю, так это то, что он был в красных плавках.

И продолжаю жить благодаря ему.

По ягоды. По грибы.
Грибы крепкие, как лбы.
Но пока найдёшь гриба —
Семь потов стечёт со лба.
Ух...
Ох! Ох! Ох!
Затерялась нога в мох.
Мне не дороги грибы,
Не найти теперь ноги.
Ах!
Нога моя, нога.
Сама нащупала гриба!
Ага!!!

— Мишка! — кричу я своему другу Мише Чистякову. — Мишка, я белый гриб нашёл!

Пятьдесят четыре грибника, и все в соломенных шляпах, сбегают-

ся на мой зов, и начинают ползать вокруг меня на корточках, и тыкать в мох палками, и шарить вокруг елей руками, и косить на меня за-
видущими глазами.

— Мишка! — ору я.

И, наконец, приходит Миша Чистяков. И я показываю ему свой твердый и холодный, как щенячий нос, гриб. Грибок.

— Во! — горжусь я. — Каков молодчик!

Миша лениво смотрит на мой гриб и говорит:

— Он ложный.

— Как ложный?! Какой ложный?! Самый настоящий белый гриб!

— Белый-то белый. А ложный. Ложный белый гриб. — И щёлкает ногтём мой гриб по коричневой матовой шляпке, как по носу. А пятьдесят четыре грибника начинают плясать вокруг меня дикий танец. И кидать вверх свои соломенные шляпы и хором петь:

Go! Go! Ага! Ага!

Подвела тебя нога,

Ты в болото влил,

Нашёл белый ложный гриб!!!

— Сгинь, нечистая сила! — кричу и плачу я.

И они все исчезают.

И сразу становится тихо-тихо. Я целую свой грибок во влажный лобик и кладу его, одинокого, на дно моей большой, как лес, корзины. Тяжёлый ветер проползает по верхушкам елей. Сгибаются они и глухо шумят. И страшно, и сумрачно мне.

— Миша; — зову я. — Мишка! Мишенька!

Но никто не откликается, и даже эхо молчит. Один я одинёшенек, потерян, как горошина. И иду я по лесу. По болоту. Переваливаясь с кочки на кочку. Через коряги перебираюсь. Спотыкаюсь и падаю, и плутаю. Белый мох свисает с чёрных елей. И запеваю я тоскливую песню:

Я не знаю, я откуда...

Только я не здешний.

Всё по кругу, всё по кругу

Водит меня леший...

Заплутал... Заблудил...

И не выбраться.

На твоей бы груди

Выплакаться...

Так пою я грустные, протяжные песни. Блужу я по лесу. И хорошо мне, и спокойно, потому что зачем же мы и заходим в лес, если не заблудиться.

Но кончилась еловая чащоба. Вышел я в сосновый бор. Светлей в нём, и чище, и солнечней. По высоким стволам смола бежит. Муравьи протекают по своим дорогам. Голову мне припекать стало. Сел я на пенёк. Отдыхаю. И вдруг слышу близкую музыку. Знакомую музыку.

«Полонез Огинского».

— Там-м-м. Да-да-да тамда ду там-м туда да-да.. — Встал я и пошёл на неё.

И нашёл.

Среди густого малинника, на прогалине стоит транзистор «Спи-дола». Антенна высоко выдернута и блестит на солнце. А по антенне вверх-вниз рыжий муравей бегаёт. А возле «Спидолы» лежит спиной ко мне большой хорошо расчёсанный бурый медведь. Голову лапой подпёр и слушает.

— Послушайте, — говорю. А он не отвечает. — Послушайте!

— Да, — дёрнулся он и обернулся. — Да. Простите, я заслушался.

— Это по «Маяку»? — спрашиваю.

— Да.

— А который нынче час?

— Третий, кажется, — отвечает.

— А вы любите сороковую Моцарта? Вот это. Та-та. Та-та. Та-та-та...

— Люблю, — говорит. — Только её редко по радио передают. Я вообще люблю классическую музыку.

— А джаз?

— Да, конечно, особенно когда идёт труба. Всю жизнь я мечтал играть на трубе.

— Я тоже. Кстати, вы не знаете, как на дорогу выйти? А то я заблудился.

— И я заблудился. Я не из этого леса. У меня спокойней. А здесь

ребят, как на пне опят: ходишь и наступить боишься. А на дорогу я вас выведу. Я приметы знаю.

Встал он. Муравья с антенны снял. Задвинул её. И пошли мы. Идём и разговариваем. Я спрашиваю:

— А вы никогда не хотели в цирке выступать? Там медведи на мотоциклах ездят.

А он отвечает:

— Я бензинового запаха не люблю. Да и боюсь суеты, тесноты, аплодисментов. А в лесу тихо. К осени грибки схлынут. И тишина.словно и не двадцатый век, а шестнадцатый какой-нибудь. Я ведь зимой не сплю. А лежу, сосу лапу и думаю. Одиноко, правда, иногда бывает, тогда включаю приёмник и слушаю музыку.

— А вы любили когда-нибудь?

— Любил. Но, знаете, несчастливо очень. Она меня презирала. И знаете за что? За доброту. Говорила: «Ну какой ты зверь! Ну оскалься на меня, ну зарычи!». А я что — тигр, что ли? И зачем? За что мне на неё скалиться? Я ведь её любил. Так и ушла от меня. Я с горя решил было под поезд броситься. Вышел на рельсы. Солнце светит. Земляника по откосу растёт. И раздумал. Глупо.

Вышли мы в таких разговорах на дорогу, и я увидел, что дача моя рядом.

Я и предложил:

— Может, вы у меня поживёте несколько дней? Поговорим. У меня друг есть, Миша Чистяков, — на гитаре играет. Высоцкого поёт.

А он отказался.

— Я, — говорит, — ем очень много. Вам хлопотно прокормить меня будет. Да и дела различные.

— Ну, до свидания, — говорю. — Может, увидимся когда.

— Может, и увидимся. Прощайте. Спасибо вам за разговор. Редко это мне приходится разговаривать.

И пошёл...

А я ему вслед кричу:

— Зовут-то вас как?!

— Серёжа, — ответил он и скрылся в лесу.

В третьем классе я стал влюблён в Галю Богатенкову. У неё были длинные пепельные волосы, которые завивались, как бороды ассирийских воинов на картинке из учебника истории древних веков. Воины переплывали реку на надувных кожаных мешках, я долго называл эти мешки бурдюками и только после узнал, что бурдюки наполняют не воздухом, а вином. И вообще ассирийские воины были в пятом классе, а Галю Богатенкову я любил в третьем, когда древнюю историю мы ещё не проходили. Любил я её серьёзно и даже хотел жениться на ней, но она меня не любила, хотя и сидела со мной на одной парте, потому что любила Юру Козореза. Козорез — было не прозвище, а настоящая фамилия. На уроках физкультуры он стоял первым по росту, потом стоял Яковлев, потом Аникин, а за Аникиным уже я, а это значит, что и я не был особенно маленьким. За мной стояли ещё десять мальчиков, а потом ещё девочки, среди девочек первой по росту стояла Галья.

На уроках физкультуры мы больше всего прыгали в высоту, и Юра Козорез прыгал выше всех. Он брал 1 м 20 см «ножницами» и 1 м 20 см «кувырком». До сих пор я не могу разобраться, как прыгают одним способом, а как другим, хотя мне столько раз объясняли и показывали. Я, видимо, просто не приспособлен к прыжкам в высоту, чего-то не хватает у меня в организме. Но наш учитель по физкультуре очень хотел научить меня прыгать.

— Стыдно, — говорил он, — стыдно, вон, даже Пенькин, самый малорослый и хилый в классе, и то

прыгает на шестьдесят сантиметров, а ты совсем не можешь.

И я опять разбегался и как-го странно дёргался вверх руками и ногами и падал на верёвку, она натягивалась, и стойки падали на меня, и всё это было очень шумно и весело, и все смеялись, и Козорез, и Галя, которая тоже прыгала высоко. А мне было не смешно — мне плакать хотелось, и даже один раз не выдержал я и заплакал. И убежал в конец коридора, в туалет, где курил какой-то восьмиклассник и прогнал меня.

Сейчас я всё думаю, за что она его любила: за то ли, что он выше всех прыгал, или за то, что лучше всех одевался, оттого что мама у него была портниха и шила ему всякие модные брюки и куртки. Он и сам стал портным и работает закройщиком в ателье мод и, говорят, очень хороший закройщик. Ещё я думаю, что вот если бы Галя знала, что Козорез будет портным, а я писателем, то кого бы она полюбила? Я вовсе не говорю, что профессия портного чем-то хуже профессии писателя, но всё-таки писатель — это как-то необычнее...

А может, дело не в этом. А может быть, если бы она знала, кем мы все станем, она полюбила бы Пенькина, который водит реактивные самолёты... А тогда летать на самолётах мечтал я, и читал много книг про лётчиков, да и других книг я читал много, а прочитав, приносил Гале. Про лётчиков она не любила, а больше других ей нравились «Приключения Тома Сойера», где мальчик Том Сойер очень любит девочку Бекки Тэтчер, и она кидает ему с балкона цветок, который он хранит у живота, думая, что хранит у сердца. Наверное, Галя, когда читала эту книгу, Томом Сойером представляла Юру Козореза, а Бекки — себя. А я, когда читал эту книгу, то Томом Сойером представлял себя, а Бекки — её.

Так я любил безнадёжно и несчастливо весь третий класс и половину четвёртого, пока меня не перевели в другую школу.

Я учился в школе на улице Маклина на самом верхнем, девятом, этаже, в шестом «б» классе, с окном во всю стену. Точнее, вся стена была стеклянная, и не просто стеклянная, а сложенная причудливым узором из разноцветных стёкол. И когда в самый хмурый слякотный день мне в дневник ставили самую глупую двойку, можно было посмотреть на город сквозь оранжевое солнечное стекло, и жить снова становилось весело. А в ясные дни разноцветные солнечные пятна проползали через весь класс по партам и по лицам, и лица наши становились то красными, то зелёными, то синими. А иногда одно ухо ещё оставалось красным, а другое наливалось фиолетовым цветом, словно густо вымазанное чернилами. Не скучно было учиться в таком классе. Мы будто всё время переползали через радугу, или радуга переползала через нас.

И всем нравилось это. А не нравилось только учительнице по математике Анне Михайловне. «Скорей бы ремонт, чтобы вставили стёкла и прекратили это безобразие», — говорила она, поворачиваясь к доске, и широкая её спина становилась похожей на цветастый шотландский плед. И мелом, то синим, то жёлтым, начинала доказывать какую-нибудь теорему.

А я поворачивался к окну и смотрел на город, который жил внизу подо мной. Я видел крыши домов, выцветшие и только что покрашенные, и от них приятно пахло краской. Я видел тысячи бездымных труб, и как красиво было бы, если бы они сразу все задымили. Я видел вырезные жестяные флюгера

на старых домах, и почему-то все они были повёрнуты в разные стороны, как будто у каждого флюгера был свой ветер.

А за домами вздувался и как только не лопался золотой пузырь Исаакиевского собора, сиявший так же ярко, как солнце в небе, а может, ещё ярче, потому что его каждый год чистили смелые люди — верхолазы.

На десять щелбанов поспорил я со своим другом Мишей Чистяковым, что напишу стихи не хуже, чем наш признанный школьный поэт Виктор Лазарев, который учился в восьмом классе, но читал стихи на всех школьных вечерах — даже для десятиклассников.

— Подумаешь, — сказал я, когда мы с Мишей Чистяковым пробрались в актёрский зал, полный старшеклассников, на посвящённый чему-то вечер. И, конечно, Виктор Лазарев читал свои стихи. Художественно декламировал свои стихи, выставив ногу вперёд и отведя руку, как великий русский поэт А. С. Пушкин, когда он читал свои стихи на лицейском экзамене и старик Державин его заметил «и, в гроб сходя, благословил».

И, конечно, Виктор Лазарев читал те же стихи, что и всегда: «...Мне шестнадцать лет, не так уж много, но не так уж мало, вам скажу. Выбрал в жизни я себе дорогу. На простор широкий выхожу...». Врал он всё. Не было ему ещё шестнадцати лет. И пятнадцати ему ещё не было. И читал он эти стихи уже два года подряд. И от физкультуры был освобождён. И...

— Во, даёт! — сказал Миша Чистяков, и я поспорил с ним на де-

сять щелбанов, что я тоже напишу стихи не хуже. И я встал и вышел из зала, хлопнув дверью. Но никто этого не услышал, потому что все захлопали Виктору Лазареву. А потом наша признанная певица, Алла Быховская, запела романс «Соловей мой, соловей». Десять раз я это всё слышал, и видел, и знал, что за Аллой выйдут наши чемпионы по силовой акробатике, будут надуваться мускулами и держать друг друга на одной руке по полчаса. «Ах, ах, ах», — заахают девочки. Подумаешь! Но я так не умею, и стихов я не писал никогда в жизни.

Я стоял на лестничной площадке, уткнувшись лбом в стекло. А на улице уже была весна и солнце. Кошка Маруся, которая живёт в гардеробе, гуляла по сырой земле пришкольного участка, между яблонями, которые посадили мы в четвёртом классе, и скоро на них будут яблоки. Антоновские яблоки. Большие и кислые. И когда вгрызёшь в такое яблоко зубы, то нёбу станет холодно и защебет. Но весна ещё только, и кошка гуляет по грязному, чёрному саду. По ограде она гуляет. А ограда сварена из острых железных пик. И кошка гуляет по остриям пик, как факир в цирке — по лезвиям сабель. Но у него работа такая, он факир, а вот как ей не больно? У неё такие мягкие ладошки. Нет, не ладошки, а как сказать? Подушечки на лапах. Нежные и розовые. Люблю я собак, но кошек тоже люблю. У моей тётки была несчастная кошка. Она приносила каждые полгода котят, а тётка их топила в Фонтанке, потому что девать было некуда. Я уже всем в классе дал по котёнку и в 6-й четырнадцать штук подарил. А мне мама не разрешила взять котёнка, у нас в квартире уже было четыре. А теперь тётка кошка сбежала. Я думаю, она правильно поступила...

— Ну, сочинил? — толкнул меня Миша Чистяков, который вышел из зала — кончился праздник.

— Сочинил, — ответил я, и вдруг, откуда ни возьмись, начал читать стихи, хотя ведь я ничего не сочи-

нял, а рот открывался, и слова говорились в рифму:

*Села кошка на забор,
Закричала кошка: «Вор!»
Птичка подлетела,
Кошку птичка съела.
Съела. Потолстела.
Песенку запела:*

*«Села кошка на забор,
Закричала кошка: «Вор!»
Птичка подлетела,
Кошка птичку съела.
Съела. Потолстела.
Песенку запела:*

*«Села кошка на забор,
Закричала кошка: «Вор!»
Птичка подле...*

— Ну, хватит! — заорал Мишка. — Дальше что?
— А дальше вот что:

*Птичка подлетела,
Кошка птичку съела...
Я спросить у вас хотела:
Сколько птичек кошка съела?!*

— Вот, — сказал я. — Подставляй лоб.

— Это неправильные стихи. Ты ведь не девчонка, и должен сказать так:

*Я спросить у вас хотел:
Сколько птичек кошка съел?!*

— Подставляй лоб, — сказал я Мише Чистякову. — Будь честным человеком.

Но он не подставил. Ну, и фиг с ним. Зато я стихотворение сочинил. Первое в жизни.

Прогуливать нехорошо. Очень плохо прогуливать. Особенно плохо прогуливать зимой, когда холодно. Можно, конечно, пойти в кино. Мама даёт 30 копеек на завтрак. Би-

лет на дневной сеанс стоит 25 копеек.

Можно пойти на 10 часов утра, но что делать после двенадцати? Можно на 12, но что делать до двенадцати? Холодно и стыдно. Стыдно чувствовать себя прогульщиком. Это почти так же стыдно, как быть тунеядцем. Надо как-то отвлекаться. В музей можно пойти. Ленинград — город музеев и трёх революций. В Эрмитаж, например, можно пойти, Эрмитаж — сокровищница мирового искусства. Это один из крупнейших музеев мира. Протяжённость его коридоров составляет 10 000 м. А количество залов и комнат более 1000. И даже если прогуливать все десять лет школьной жизни, то и тогда не осмотреть полностью всех его картин и других разностей, редкостей и археологических находок, которые в нём выставлены.

По Эрмитажу можно гулять, как по лесу. Переходить из одной залы в другую. В нём нет запертых дверей. Он весь сквозной и светлый, как сосновый бор в солнечный день.

В солнечный зимний день хорошо бродить по Эрмитажу. Подняться в те залы на третьем этаже, окна которых выходят на Неву. Идти вдоль застывшей холодной Невы по Эрмитажу. Идти вдоль морозной зимы по тёплым солнечным залам Эрмитажа. Идти вдоль Петропавловской крепости. Золотой шпиль собора отражает, собирает в себе солнце, и больно смотреть на этот ослепительный, блистательный город.

Отвожу глаза и смотрю направо. По пронзительному зелёному лугу несутся в иступлённом радостном танце красные люди Матисса. И всё никак не устать им. Но я устаю глядеть на них, танцевать с ними и перехожу в другой зал. В зал Гогена. Где коричневые толстые женщины сидят среди тропических пальм и других жирных растений и едят ананасы. И хорошо им. А в следующем зале...

Нет, не хватит десяти лет. Но если у вас ещё есть время, то спуститесь с третьего этажа вниз, в античное искусство. На две тысячи лет

спуститесь и приноровите своё дыхание к этому сухому и светлому воздуху. Приноровитесь к этому времени, когда боги и богини ходили среди людей, как мы сейчас ходим среди богов в Летнем саду. Но зимой в Летнем саду делать нечего. Южные боги заколочены от холода в деревянные ящики, похожие на... Не важно, на что они похожи... В зоопарк надо идти — там тепло и зверями пахнет.

Четыре часа я могу стоять в слоновнике и смотреть на слонов. Люблю я смотреть на больших и добрых животных. Смотрю я на них и добрею.

Добреть я люблю. Но вот подходит ко мне мужчина в очках, с губами сухими, как мёртвая ветка, и спрашивает:

— Мальчик, почему ты здесь, у слонов, пятый час стоишь? Тебе что — в школу не надо?

И я не отвечаю ему:

— А какое ваше дело? Хочу и стою, — а я вежливо говорю ему: — Я юный натуралист.

— А-а... — радуется он. — Я тоже в детстве был юным натуралистом. У меня был террариум, в котором жили четыре гадюки, одна гюрза и две кобры. Но они перекусили друг друга и сдохли.

— И очень хорошо, что сдохли, — говорю я. — Ненавижу змей.

— Ну, почему же, — возражает он. — Они приносят определённую пользу: грызунов уничтожают.

— Всё равно ненавижу. Пойдёмте лучше на жирафов смотреть.

И мы идём смотреть на жирафов, у которых совсем недавно родился жирафёнок и ходит на таких тонких и острых ножках, что удивительно, как они не прокалывают деревянный настил.

Так мы ходим по всему зоопарку и смотрим львов и тигров, обезьян и носорогов, а к змеям не идём. А затем я прощаюсь, потому что уже третий час и пора возвращаться домой из школы.

В Ленинграде красиво жить. В Ленинграде надо жить красиво и быть хорошим человеком. В Ленинграде невозможно быть плохим человеком. Поэтому так много в Ленинграде хороших людей, и поэтому везде и всюду любят ленинградцев.

Когда ленинградец приезжает в жаркий город Бухару, смуглые люди в разноцветных тюбетейках ведут его в лучшую чайхану и наливают в красивую пиалу самого душистого и крепкого чая.

Когда ленинградец приезжает в Казахстан, ему дают полное ведро кобыльего молока от лучшей кобылицы и очень обижаются, если всё до конца не выпьешь. Но ленинградцы всегда пьют до конца, потому что они уважают местные обычаи.

А один мой знакомый, совсем молодой и очень бородатый писатель Валера Китобойников, летал на Северный полюс к полярникам. Полярники тоже почти все бородатые люди и почти все из Ленинграда, и они очень обрадовались Валерию Китобойникову и с радости подарили ему белого медведя, которого Валера привёз домой, но вынужден был отдать в зоопарк, оттого что этого белого медведя дёргла за хвост маленькая дочка Валеры — Света. Этот медведь и сейчас в зоопарке. Его можно легко узнать, потому что у него почти не осталось хвоста. Это, конечно, плохо, но Свете только два года, и она ещё не понимает, что выдёргивать хвосты белым медведям не следует, а когда она вырастет, она станет очень хорошим человеком, потому что живёт в Ленинграде. И

если я изредка встречаю плохого ленинградца, то думаю, что он, наверно, надолго уезжал из Ленинграда. Из Ленинграда лучше совсем не уезжать, а ходить по нему и любоваться.

И лучше всего пойти в Петропавловскую крепость — это моё любимое место, — выбрать пасмурный ветреный день, когда по Неве ходят большие, плоские, как гранитные ступени, волны, пройти пустой пляж и встать спиной к Трубецкому бастиону, почти вровень с Невой. Стоять и думать великие мысли, как думал, стоя на этом же самом месте, царь Пётр, когда задумал построить наш город. «На берегу пустынных волн стоял он, дум великих полн, и вдаль глядел...»

Так вот, стойте. Думайте и глядите вдаль. И будьте счастливы, что этот город уже построен, что вы в нём живёте и что у вас ещё много времени впереди для великих и добрых дел.

А потом, если вы не промочили ноги, ступайте через большую каменную арку внутрь крепости, к Петропавловскому собору, который похож на большую морскую раковину. Если морскую раковину приложить к уху, то будет слышно, как шумит море, а когда прикладываешь к уху Петропавловский собор, то слышно, как там бьют куранты. Послушайте, и если они проиграют десять или больше раз, то идите домой, ложитесь спать, и пусть вам снятся хорошие сны, оттого что вы — хорошие люди.

МИР. ТРУД. МАЙ

(К рисункам на 1-й, 2-й и 4-й страницах обложки)

Это произошло в Чикаго 1 мая 1886 года. Ровно 100 лет тому назад.

Подвергавшиеся жестокой эксплуатации, доведённые до отчаяния, рабочие огромного индустриального города, расположенного в центре США, объявили всеобщую стачку. Они требовали улучшения условий труда, уменьшения рабочего дня до 8 часов. Рабочие вышли на демонстрацию — полиция расстреляла мирную демонстрацию.

4 мая 1886 года в Чикаго собрался массовый митинг протеста. Во время митинга провокаторы бросили бомбу. Полиция разогнала рабочих, а позднее, на основании ложных показаний, несколько организаторов митинга были казнены, многие осуждены на длительное тюремное заключение.

Майские события 1886 года в Чикаго показали необходимость сплочения пролетариев всех стран. В память о тех трагических событиях Парижский конгресс II Интернационала в 1889 году принял решение — каждый год 1 мая трудящиеся всех стран будут выходить на демонстрацию. 1 мая было объявлено Днём солидарности пролетариев.

Ежегодно на Первомайской демонстрации трудящиеся нашей страны выражают свою солидарность с революционной борьбой в странах капитала. Вот лозунги из «Призывов ЦК КПСС к 1 Мая 1986 года»:

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ 1 МАЯ — ДЕНЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЛИДАРНОСТИ ТРУДЯЩИХСЯ!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!»

«ЛЕНИНСКИМ КУРСОМ XXVII СЪЕЗДА КПСС — ВПЕРЕД, ПО ПУТИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЗИДАНИЯ И МИРА!»

«ПУСТЬ ВОСТОРЖЕСТВУЕТ НА ПЛАНЕТЕ МИР БЕЗ ОРУЖИЯ И ВОЙН!»

Наш журнал, отмечая знаменательную дату в истории пролетарского движения, посвящает этой теме рисунки взрослых художников и ребят из Ленинградской городской художественной школы. На рисунках — наш прекрасный, праздничный город, счастье мирного труда и, конечно же, дети. Им принадлежит будущее.

Карабаш

Когда-то карабаш был в замбийской семье самой ходовой посудой. В такой посуде хранили зерно, муку, воду. Маленькие карабашы использовались вместо стаканов и кружек. Сейчас карабаш можно увидеть, пожалуй, только в буше¹ — в хижине крестьянина.

Карабаш делают из тыквы.

В конце июля после обильных дождей и тепла в низинах и по берегам рек созревают огромные толстокожие тыквы. Некоторые из них в окружности достигают полутора метров! Форма у здешних тыкв самая причудливая. Попадают шаро-

¹ Буш — отдалённая сельская местность, неосвоенные земли.

образные, грушевидные, продолговатые — будто из тыквенного семечка вырос гигантский огурец... А иногда встретишь и приплюснутую с боков — такую смешную, ну настоящий курьёз природы!

Так вот, хвостик у тыквы аккуратно вырезают, через получившееся отверстие вынимают мякоть и сушат тыкву на солнце. Сушат до тех пор, пока стенки не задубеют. Ударь по такой стенке и... бум-м! — тыква отзовется барабанным боем.

Высушенную тыкву засыпают песком и начинают резко встряхивать. Песок в тыквенном чреве шлифует стенки не хуже наждачной бумаги. Затем сосуд прополаскивают водой, снова сушат и — карабаш готов! Пробкой служит вырезанный кусочек с хвостиком, очищенный от мякоти и тоже высушенный на солнце.

Часто карабаш расписывают красками. По давней традиции, в рисунках только два цвета — красный и чёрный.

Замбийские крестьяне мастерят карабашы разной ёмкости — от одного до десяти литров. Как говорится,

Автор этих заметок Виктор Рыбин долгое время жил и работал в Республике Замбия — он преподавал в замбийской школе физику и математику. Впечатления от увиденного и пережитого легли в основу путевых заметок. В издательстве «Детская литература» готовится к печати его книга «В краю Замбезии». Мы публикуем несколько глав из этой будущей книги.

А посвящаем эту публикацию Дню освобождения Африки, который ежегодно 25 мая отмечает всё прогрессивное человечество.

на все случаи жизни. Есть в производстве карабашей и маленькая хитрость: тем фасонистей считается карабаш, чем меньше у него отверстие. Поэтому мякоть из тыквы доверяют вынимать детям: сделанное детской рукой отверстие получается маленьким.

Ливень

Для новичка африканский ливень — зрелище фантастическое.

Первый ливень приходит в Замбию в середине ноября и возвещает о начале сезона дождей. Потом ливни идут ежедневно. Четыре месяца подряд.

Ливень начинается внезапно, но приближение его замечаешь.

Ещё совсем недавно небо казалось безмятежным и солнце жгло землю неистово. Но вот задул северный ветер, и всё видимое пространство затягивают тучи. Сначала тучи плывут медленно, как бы высматривая, куда выплеснуть свою ношу. Потом движение убыстряется, словно их кто-то подхлёстывает. И вдруг лиловые, непомерно расплывшиеся от влаги, они приостанавливают свой бег и низко нависают над землёй.

На десятки километров окрест опускаются сумерки. В домах темно — хоть свет зажигай. Замолкают птицы. Сверчки, ящерицы, хамелеоны, саранча... — всякая мелкая и большая живность — забиваются в норы и щели.

И тут... ослепительно вспыхивает молния. Такая огромная и ветвистая, что ею хватило бы опоясать земной шар! Следом трещит гром. Не гремит, не бухает, а именно трещит. Так трещит сухая лучина, когда готовишь растопку для плиты. Только треск этот усилен в миллионы раз!

В ушах ещё стоит эхо от грома, а за окном уже слышится новый шум. Дождь!

Водяная стена отгораживает вас от остального мира.

Шум ливня становится таким, что невозможно разговаривать. И гром время от времени взрывается над головой. Он трещит совсем рядом. Кажется, ещё залп — воздушная волна разнесёт дом вдребезги. От залпов холодеет кровь. В такие минуты чувствуешь себя перед силами природы особенно незащищённым. Жалким ничтожным существом чувствуешь себя.

Ливень длится минут десять-пятнадцать.

Но вот сгинули тучи. В небе вновь закуражилось солнце. Над землёй клубится пар. Воздух — как в хорошо протопленной бане. Пот струится по лицу, рубашка прилипает к телу. Душно. И уже не радует умытая и посвежевшая зелень, цветы, источающие немыслимые ароматы, хорохористые ручейки. Даже радуга не радует.

Хочется прохлады! А её принесёт только новый ливень.

Арахис

Вспомните, какие продукты берёте вы с собой, отправляясь в поход, скажем, дней на пять-шесть?

Тушёнка, сгущёнка, суповые пакеты, хлеб, консервы, чай, сахар... По десять-пятнадцать килограммов такого добра приходится нести каждому туристу.

А замбиец обойдётся фляжкой воды и мешочком арахиса — земляных орехов.

Орех этот обладает чудо-силой. Пакетик арахиса по калорийности не уступает ни тушёнке, ни сгущёнке, ни супу. Стоит съесть горсть арахиса —

совых орешков, как сразу чувствуешь себя сытым, а усталости и след простыл. Арахис заменяет любые продукты, любые витамины. Всё, кроме воды! Если бы в Замбии не открыли залежи медной руды, благодаря которой страну часто называют «медной державой», то наверняка за ней укоренилось бы название Страна Арахиса.

Арахис выращивают повсюду: на юге и на севере, по берегам Танганьики и в долинах Замбези, на облачных равнинах и в сухой саванне, в промышленном Медном поясе и в пригородах столицы Лусаки. Везде, где земля познала крестьянскую мотыгу, увидишь скромные темно-зелёные кустики арахисового ореха.

На замбийских базарах арахисом торгуют круглый год. Но в разное время цена ему разная.

Самое изобилие орехов — после холодного сезона, в сентябре-ноябре. В это время все прилавки завалены арахисом. Даже продавцов не видно из-за ореховых гор. Меж лавок и торговцев мелькают мальчишки. Перекрикивая друг друга, зазывают покупателей к «своему месту».

— Пойдёмте со мной, сэр. Я покажу вам самые лучшие орехи! Вот у того старика. Не прогадаете, сэр. Замечательные орехи! А дёшево как — ну просто даром! Пойдёмте, сэр...

— Сэр, а вот у той женщины сладкие орехи. Честное слово! Она их сладкой водой поливала. Подойдите к ней, подойдите...

За каждого клиента такой «зазывала» получает медяк.

В центре базара жаровня — здесь орехи жарят. Отсюда тянется запах дымка и калёного железа, а вокруг жаровни всегда толпятся люди. Жареные орехи — вкусоптища необыкновенная! Чем больше ешь, тем больше хочется. А тут ещё продавец:

— Что за орешки! Во рту тают! Купите, сэр!..

Но ореховый бум проходит скоро. Через два-три месяца горы арахиса превращаются в бугорки. Зато и цена подскакивает.

Арахис любят. Арахис чтут. Арахис боготворят.

Однажды я стал свидетелем такой сцены. Парень лет двадцати вёз на базар мешок арахиса. Он ехал на велосипеде и с трудом удерживал руль. Метров за сто до базара мешок неожиданно свалился на землю и развязался. Орехи посыпались в придорожную пыль.

Неподалёку в тени джакаранды сидел пожилой крестьянин. Он покачал головой, подошёл к парню и стал помогать ему собирать арахис.

— Как же это ты неловко так... — бормотал старик, бережно выбирая из пыли орехи, — это ведь хлеб твой...

Сколько надо пережить, чтобы невзрачный на вид орешек сравнивать с хлебом!

Налистие термитов

Термиты попадались мне часто.

Иногда шевелящаяся чёрно-коричневая река шириной сантиметров в десять-пятнадцать пересекала шоссе. Мчащиеся по нему машины уносили на колёсах тысячи раздавленных насекомых, но страшная река продолжала течь, будто это движение направляла мощный магнит.

Однажды я прошёл по бушу с километр, пытаюсь узнать, куда бегут термиты. Но конца не нашёл — на моём пути встали такие дебри, что идти дальше я побоялся.

В другой раз термитный ручёк оборвался внезапно, стекая в земляную нору. Забавно было смотреть, как суетливо, напирая друг на друга, ползли термиты к чёрной дыре и мгновенно исчезали, будто проваливались в бездонную пропасть. Говорят, под землёй у термитов прорыты десятки километров проходов-лабиринтов. Потому и появляются эти насекомые неожиданно. И неожиданно исчезают.

Я был немало наслышан о страшных челюстях термитов, потому, встречая на просёлке термитовую реку, поспешно перешагивал через неё и думал в тот момент только об одном — чтобы эти «хищники» миновали мой дом.

А они не миновали, чуть было не наведались в гости...

По давней традиции каждый учитель разводит возле своего дома огород. Не нарушая традиции, я тоже сделал грядки и насадил всякой мелочи. Огород мой, к слову сказать, удался на славу. То ли земля попала хорошая, то ли семена оказались всхожие, но все мои овощи дружно взошли, и через месяц я уже ел собственные помидоры, лук, салат...

Однажды апрельским утром я вышел из дому полить грядки. Сначала побрызгал землю из шланга, прибивая пыль, потом налил воду в лейку и стал обходить грядку за грядкой.

Вдруг резкая боль пронзила ступню — будто мне её прижгли калёным железом. Я взглянул под ноги и обомлел: вдоль грядки шуршал знакомый термитный ручеёк. А укусил меня термит-разведчик. Их много шествует вблизи «ручейка», параллельным курсом.

Сначала термиты текли по борозде, потом по грядке, потом... сместились к крыльцу моего дома. Они будто почуяли человека, не слишком их уважающего, и приготовились к атаке. «Сейчас набросятся... — пришла страшная догадка. — Вдруг это самые-самые хищные?.. Сначала они сожрут мебель, одежду, а потом и за меня примутся...»

Термиты прямоком потянулись к дому. Чёрная шевелящаяся лента, располневшая на четверть метра, всё ближе и ближе подступала к моему жилью. «Надо же что-то делать, — спохватился я. — Иначе они такого натворят — вовек не расхлебашь!»

А что делать? Топтать ногами? Колотить лопатой?..

Невдалеке мелькнула жёлтая футболка соседского мальчика.

— Чо! — крикнул я. — Подойди ко мне!

Едва ступив в огород, Чо зацокал языком и замахаал руками:

— Водой! Водой их!

Я бросился к шлангу, сделал сильную струю и направил воду на термитов.

Полчаса размывали мы насекомых, а они всё ползли и ползли. Тогда я собрал весь наличный в доме запас «Таргета», сильного химиката для борьбы с мухами, комарами и прочей подобной живностью, и стал опылять им термитовую реку. Насекомые гибли десятками, но на место мёртвых ползли живые. Тысячи! И вот когда уже все средства были испробованы, когда и я, и Чо поняли, что нашествие не остановить, термиты, как по волшебству, снова сбились в ручеёк, и ручеёк растаял на наших глазах. О схватке напоминали лишь чёрные сморщенные трупы насекомых, лужи воды да пустые банки «Таргета».

— Они вас просто попугать хотели, сэр! — хихикнул Чо. — Подшутить над вами решили...

«Хорошенькая шутка, — подумал я. — А если бы термиты не отступили? Или всё это случилось бы ночью, и они заползли бы ко мне в постель?.. А если ещё пожалеют?»

К счастью, термиты больше не пожаловали.

Русские грибы

Уж чего-чего, а встретить в буше маслята никак не ожидал!

Как-то в начале декабря по пути из школы домой я нагнал двух мальчишек. Мальчишки несли охапку жёлто-зеленовато-коричневых грибов и время от времени запускали ими друг в друга.

Маслята!

— Откуда у вас эти грибы? — изумился я. Вот уже три месяца я жил в Солвези, а маслята увидел впервые. Да и в голову никогда не приходило, что они могут расти... в Африке!

Ребята переглянулись.

— Так вон же, у дороги, сэр... — один из мальчишек махнул рукой в сторону шоссе. — Где сосны... Там их видимо-невидимо...

Здесьние сосны удивили меня ещё в первый день приезда. Растение северных широт — в Экваториальной Африке! Десятка два их росло вдоль шоссе, укрывая от солнца школьную спортивную площадку. Огромных, крепкоствольных, с длинными светло-зелёными иголками.

И вот второе чудо: под соснами, оказывается, маслята водятся!

— На обед несёте? — спросил я мальчишек.

Ребята посмотрели на меня так, будто у них на глазах я превратился в крокодила, швырнули грибы в траву и пустились наутёк.

Четверть часа спустя, прихватив с собой корзинку и нож, я отправился к шоссе, к тем самым соснам... Корзина наполнилась маслятами быстро. Не в силах унять азарт, я приспособил под грибы ещё и шляпу. За спиной слышались голоса. Я обернулся и обомлел: человек пятнадцать-двадцать — кто стоял, кто сидел на обочине — смотрели в мою сторону и переговаривались.

С каждой минутой толпа зевала росла. На душе стало беспокойно. «Что это они — никогда не видели, как собирают грибы?.. — подумал я. — А может, перестарался — вон сколько нарезал... Хотя маслята здесь столько, что с лихвой хватит на всех».

Стайка ребят выпорхнула на спортивную площадку. Среди них — Джозеф Мванса, ученик из моего класса. Я подошёл к мальчику и попросил разузнать, чем моя персона так заинтересовала прохожих.

Мванса растерянно посмотрел на корзинку и шляпу.

— Зачем вы собираете эти грибы?

— Чтобы есть...

Если бы у меня вдруг выросли на спине крылья и я полетел, Мванса, наверно, поразился бы меньше...

— Они же ядовитые! Люди удивляются, зачем вам нужно так много ядовитых грибов. Не колдун ли вы?

Я пригласил Мвансу зайти ко мне через час.

Когда мальчик пришёл, я усадил его за стол и принёс из кухни сковороду жареных грибов.

— Сейчас ты отведаешь маслята. Тех самых, которые я собирал под соснами. У нас в России их...

Мванса выскочил из-за стола и побежал к двери. Остановился, готовый броситься из дому при первой попытке усадить его снова. Тогда я придвинул сковороду к себе и принялся уплетать грибы.

— Теперь будем ждать, выживу ли...

Мванса рванул дверь и ринулся к школе, пугая встречных истошным криком: «Русский учитель съел зелёных грибов! Русский учитель съел зелёных грибов!»¹.

На следующий день я, как ни в чём не бывало, вошёл в класс. На меня уставились ошеломлённые мальчишки... А после уроков трое ребят во главе с Джозефом постучали в дверь моего дома.

— Извините, сэр, — пролепетал Мванса. — Нельзя ли нам попробовать ваших грибов?.. Тех, жареных.

Через неделю на базаре в Солвези я заметил женщину, торговавшую маслятами. Покупателей было мало — больше подходили поглазеть на диковинку, но женщина не унывала и настойчиво предлагала свой товар. При этом она весело приговаривала: «Русские грибы! Русские грибы!»

Я заинтересовался секретом появления маслята в Солвези и узнал, что в прошлом веке какой-то европейец-миссионер посадил здесь саженцы сосны. Может, на корешках тех саженцев и оказались споры «русских грибов».

¹ Позднее я узнал, что маслята в Солвези называли «зелёными грибами».

Кое-что о змеях

— Змея! Змея!

Меня разбудил истошный крик шестилетнего соседского мальчика Фреда. Я подскочил к окну и прильнул к москитной сетке...

Здесь я сделаю паузу и кое-что скажу о змеях.

Замбийские ребята боятся их панически. Впрочем, кто же их не боится?

В африканском буше встречаются такие змеи, яд которых убивает и слона. Чего стоит, например, чёрная мамба. Она олицетворяет в замбийских сказках и легендах зло и несчастья. Такова же и зелёная мамба. Красивая изумрудная окраска зелёной мамбы прекрасно маскирует змею в буйной зелени, потому она опасна вдвойне.

А габун вайпер с челюстями, как у собаки? Местные жители и зовут её «собачья голова»!

А знаменитая плюющаяся кобра!

Однако страсти вокруг змей преувеличены. Не всегда змея атакует человека первой. Чаше бывает наоборот.

О змеях в Замбии рассказывают много историй. В Солвези самой известной была история с врачом-датчанином, работавшим в местном госпитале. Врач был заядлым рыбаком. Однажды он сидел на берегу речушки и удил рыбу. Час с лишним удил. Когда же собрался уходить домой, обнаружил в пяти шагах от себя... чёрную мамбу! Змея преспокойно лежала на солнышке, свернувшись клубком, и не обращала ни малейшего внимания на рыбака. Но после рыбалки датчанин долго страдал нервным тиком...

А мне припомнилась такая сцена.

С цейлонцем Нагендраном и его сынишкой Раджамином мы отправи-

лись в школьный киноклуб — раз в неделю там крутили фильмы для учителей и учеников. Шли по тропинке, в первых сумерках. Вдруг Раджамин — он шагал впереди — остановился. Навстречу нам ползла... кобра. И хотя была она сравнительно небольшая, сантиметров шестьдесят в длину, но... кобра есть кобра. Это вам не хамелеон какой-нибудь. С коброй не шути!

Нагендран отдёрнул сына с тропинки и стал искать палку. Нашёл! И тут произошло неожиданное. Лишь только цейлонец замаяхнулся на змею, она приподнялась, будто ждала этого момента, и плюнула ему в глаза. На счастье, Нагендран носил очки...

...Я выскочил из дому и закружил вокруг дерева. В руках откуда-то взялась швабра.

Из густой кроны акации свесилась не виданная мной доселе змея. Жёлто-коричневая, с золотистыми пятнами. Красивая. Судя по размеру головы, змея вымахала метра на три! Если такая гостья заберётся в дом, — весёленькое будет житьё!

Не знаю, что бы я делал с этой красавицей, если бы меня не окликнул француз Паскюэ, учитель биологии. Он жил неподалёку и, заслышав крики, поспешил на помощь.

Паскюэ обследовал дерево и улыбнулся сквозь прокуренные свои усы.

— Это всего лишь питон. Он ещё молод, чтобы напугать вас как следует...

На сердце у меня отлегло.

— Продайте мне его, — предложил Паскюэ.

— Да вы что, смеётесь?! — обиделся я. — Забирайте даром, хоть сейчас.

Паскюэ ушёл, а минут через десять вернулся с ружьём...

Вечером жена Паскюэ зашла пригласить меня на ужин.

— Из вашего питона я сварила суп! — заговорила она. — Такого супа вам не подадут даже в Париже!

От приглашения я отказался.

К тому же мне стало очень жалко питона.

Водопад Виктория

«Кто не видел Виктории, тот не видел Замбии!» — говорят замбийцы.

Водопад Виктория — символ страны. Как Нил в Египте или Килиманджаро в Танзании. Чудо из чудес, сотворить которое могла только природа.

Водопад в 1855 году открыл англичанин Давид Ливингстон. Пробираясь по бушу вдоль реки Замбези от её истоков до Индийского океана, он наткнулся на гигантский провал, в который срывалась река. Ширина провала превышала полтора километра. Глубина — сто двадцать метров. Зрелище это настолько захватило путешественника, что он провёл у водопада несколько дней.

Ливингстон назвал водопад в честь тогдашней английской королевы — Виктории. Самый южный город Замбии носит сейчас имя Ливингстона.

Водопад Виктория в одиннадцать километрах от Ливингстона, но его дыхание ощущается уже в городе. В хорошую погоду над каньоном Виктории висит молочное туманное облако, заметное из города. А грохот воды уносится далеко в буш. Кстати, за грохот, за шумливый характер водопада замбийцы называют его Мози-отунья (Грохочущий дым).

В разное время года водопад красив по-разному.

В дождливый сезон река полнеет, и гигантская масса воды как бы нехотя переваливается через каменный порог. И чудится, не вода падает с огромной высоты, а плавающий свинец. Грохот от водопада такой,

что, кажется, барабанные перепонки лопнут, только задержишься у Виктории подольше. В сухой сезон Замбези мелеет, и сквозь хрупкие водяные струи проглядывается кромка каньона. В это время года водопад становится совсем не страшным.

С утра и до сумерек смотровые площадки у водопада переполнены туристами. То и дело щёлкают фотоаппараты и стрекочут кинокамеры. Самые смелые умудряются так близко подобраться к водопаду, что их окатывают волны брызг.

Среди разноязычной толпы шмыгают мальчишки. Предлагают купить сувениры из слоновой кости, малахита, чёрного дерева. Они же могут показать, где и как эти сувениры делают.

Одна такая мастерская приютилась в тени крахмального баобаба, у которого, по преданию, отдыхала экспедиция Ливингстона. Здесь работают Нкомо Нковале и два его сына. Третий, Альфред, привлекает покупателей. Вокруг дерева разложены маски, фигурки людей размером от пяти до семидесяти сантиметров, искусно вырезанные щиты, миниатюрные табуретки. Глядя на поделки, диву даёшься, как всё это можно сделать одним... ножом!

— Раньше мы не сидели так близко у водопада, — рассказывал Нковале, когда я с ним познакомился. — Оттуда, — он махнул рукой на противоположный берег, — запросто могла прилететь пуля... Сейчас там мир, люди свободны.

Деревья у водопада хранят следы пуль южнородезийских солдат. Замбези — река пограничная, и ещё совсем недавно любоваться Викторией было небезопасно. Расисты часто обстреливали замбийский берег. Убивали не только жителей Ливингстона, но и туристов. Провокации прекратились, как только коренное население Южной Родезии добилось независимости. Сегодня по другую сторону Замбези — дружественная свободная Республика Зимбабве.

Рис. В. Топкова

БОЛЬШОЕ КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

Воздушный шар Андрэ.

В центре связи с воздушным шаром
Поймав позывные радиостанции шара, дежурный радист «Искорки»
передал следующие радиogramмы:

ПРОФЕССОРУ АЛИДАДЕ.

1. «РУССКИМ УЧЁНЫМ, ПОДНЯВШИМСЯ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ,
БЫЛ МЕНДЕЛЕЕВ. ПОЛЁТ ЕГО СОСТОЯЛСЯ В 1887 ГОДУ. МЕНДЕ-
ЛЕЕВ ПОЛЕТЕЛ ОДИН, ПОТОМУ ЧТО ШАР НОЧЬЮ ОТСЫРЕЛ И
НЕ СМОГ ПОДНЯТЬ ПИЛОТА.

Алёша Польша, Ленинград, 5-й класс».

2. «ПЕРВЫЙ ПОДНЯВШИЙСЯ В ВОЗДУХ ШАР, ИЗГОТОВЛЕННЫЙ
БРАТЬЯМИ МОНГОЛЬФЬЕ, БЫЛ СДЕЛАН ИЗ... БУМАГИ!

Наташа Прилуцкая, г. Пушкин».

3. «В ЧЕСТЬ ПЕРВОГО ПОЛЁТА ЧЕЛОВЕКА НА ВОЗДУШНОМ
ШАРЕ ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ОТЧЕКАНИЛА НАДПИСЬ:
«SIC ITUR AD ASTRA!» — «ТАК ИДУТ К ЗВЁЗДАМ!»

Алик Тимофеев, г. Павловск, 6-й класс

ФОТОГРАФУ ТРИК-ТРАКУ.

«БЛАГОДАРИМ ЗА РЕДКИЕ СНИМКИ. СЛЕДУЮЩЕЙ АВИАПОЧТОЙ
ПОСТАРАЕМСЯ ПЕРЕСЛАТЬ ДЛЯ ВАШЕГО ФОТОАРХИВА РЕДКИЙ
СНИМОК — «ВОЗДУШНЫЙ ШАР АНДРЭ В НАЧАЛЕ ПУТЕШЕСТВИЯ
К СЕВЕРНОМУ ПОЛЮСУ».

Алёша и Настя Ивановы, г. Ленинград

Все эти радиogramмы были переданы от 15.00 до 15.30 по москов-
скому времени. Затем заговорила радиостанция воздушного шара про-
фессора Алидады. Хотя слышимость была очень плохой, удалось запи-
сать следующее: «Мы над Северной Атлантикой. Захваченные сильным
циклоном [дальнейшее не разобрано]. Уносит в сторону Африки. Манная
крупа [не разобрано]. Микроскоп [не разобрано]. Банку с вареньем
[не разобрано]. Профессор приказал выбросить балласт... Трещина
в оболочке шара...»

Затем связь с шаром прервалась окончательно... Что случилось
с нашими путешественниками? Где они!

Радисты в центре связи с воздушным шаром дежурят круглосуточно.
И мы постараемся держать читателей в курсе дальнейших событий.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ПУБЛИКАЦИЮ ОТЧЕТОВ О ПУТЕШЕСТВИИ

Олег Орлов

рис. А. Московского

КОНКУРС «СТРАНА РОДНАЯ»

Между смекалистами, приславшими ответы на наибольшее число заданий, опубликованных в этом номере «Искорки», будет разыгран приз. Срок для ответов — до 15 июля.

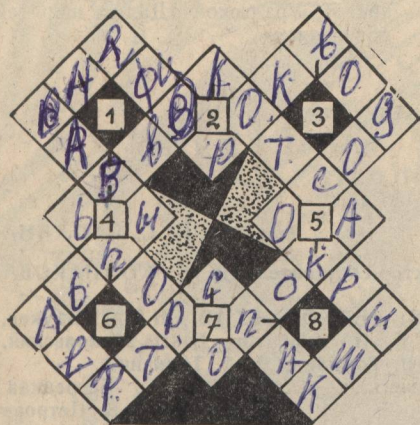
ПЛЕТЁНКА

На четырёх горизонтальных и шести вертикальных (сверху вниз) полосках написаны две строчки из популярной песни. Когда полоски переплели, половина букв «спряталась». Восстановите текст и назовите авторов песни (5 очков).

ЦИКЛОКРОССВОРД

Составил Виктор Пашков
(444-я школа)

Слова в циклокроссворде читаются по направлению движения часовой стрелки с клетки, отмеченной стрелочкой.

1. Известный русский живописец.
2. Французский художник.
3. Место для стекания отстоявшей-

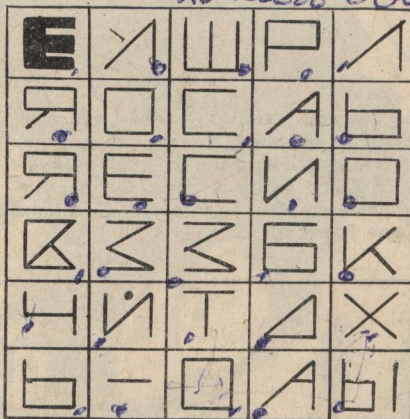
Отдел ведёт Н. А. САДОВЫЙ.

ся воды. 4. Птица. 5. Ручное сельскохозяйственное орудие. 6. Принадлежность школьника. 7. Дискуссия, обсуждение. 8. Деталь автомобильного колеса (4 очка).

ХОДОМ КОНЯ

Составил Владимир Корнеев
(185-я школа)

Обойдите ходом шахматного коня все клетки и прочтите пословицу (4 очка).

МИКРОРЕБУС

Название какого города Ленинградской области зашифровано в микроребусе? (2 очка).

ТОСНО

ШАРАДА

Взорваться может ПЕРВЫЙ слог,
ВТОРОЙ — ищи в балете.
А в ЦЕЛОМ — много рук и ног, —
И взрослые и дети. (2 очка)

ПРОВЕРЬ СЕБЯ! (ответы к «Искорке» № 3)

УГОЛКИ

«Мы строим всей семьёй судьбу грядущих дней».

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Пеликан. 6. Робот.
7. Кабан. 8. Париж. 9. Замок. 10. Печеночка.

По вертикали: 1. Велосипед. 2. Бала-
лайка. 4. Комар. 5. Паром.

ДРОБИ

Соната.

КТО ПОБЕДИЛ?

Между смекалистыми, приславшими правильные ответы на все задания, опубликованные в «Искорке» № 2, был разыгран приз. Он достался ученику 6-в класса 517-й школы Саше Гончарову.

СОДЕРЖАНИЕ

Сыграл трубач «тревогу». Баллада Виктора Максимова . . .	1
Требовательная профессия (К 50-летию Михаила Глинка). Вступительное слово Бориса Никольского . . .	4
Петровская набережная. Главы из повести Михаила Глинка	5
Именем закона. Закон и коллектив. Рассказ Олега Данилова	18
Гроза в начале мая. Стихотворение Владимира Чурного	28
Волшебная гайка (К 60-летию Константина Курбатова). Вступительное слово Ильи Миксона . . .	29
Еретик Жоффруа Валле. Главы из романа Константина Курбатова . . .	30
Узелок	38
Маков Цвет. Сказка Радия Погодина . . .	39
Воспоминания о детстве. Маленькая повесть Виктора Ширали . . .	45
В краю Замбезии. Путевые заметки Виктора Рыбина . . .	55
Большое путешествие на воздушном шаре. Из центра связи с воздушным шаром . . .	62
Клуб смекалистых ребят . . .	63
На 1-й странице обложки рисунок О. Филипенко «Горнисты»	
На 2-й странице обложки рисунок учащихся Ленинградской городской художественной школы	
На 3-й странице обложки рисунок Г. Ясинского «Сделай сам!»	
На 4-й странице обложки рисунок Л. Уральской «Дадим шар земной детям»	

Редактор Н. С. ЧАПЛИНА

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков,
Л. Н. Гаврилов, К. И. Курбатов, Б. Н. Никольский,
В. Н. Суслев, А. Н. Томилин, И. А. Туричин.

Художник-редактор Л. М. Московский. Технический редактор Н. С. Багрецкая.
Корректор С. В. Петрова

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 02.04.86. Подписано к печати 19.05.86. М-29628. Формат 70×108¹/₁₆.
Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 6,48. Уч.-изд. л. 5,65. Тираж 60 000.
Заказ № 407. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград. Фонтанка, 59.
Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023,
Ленинград, Фонтанка, 57.

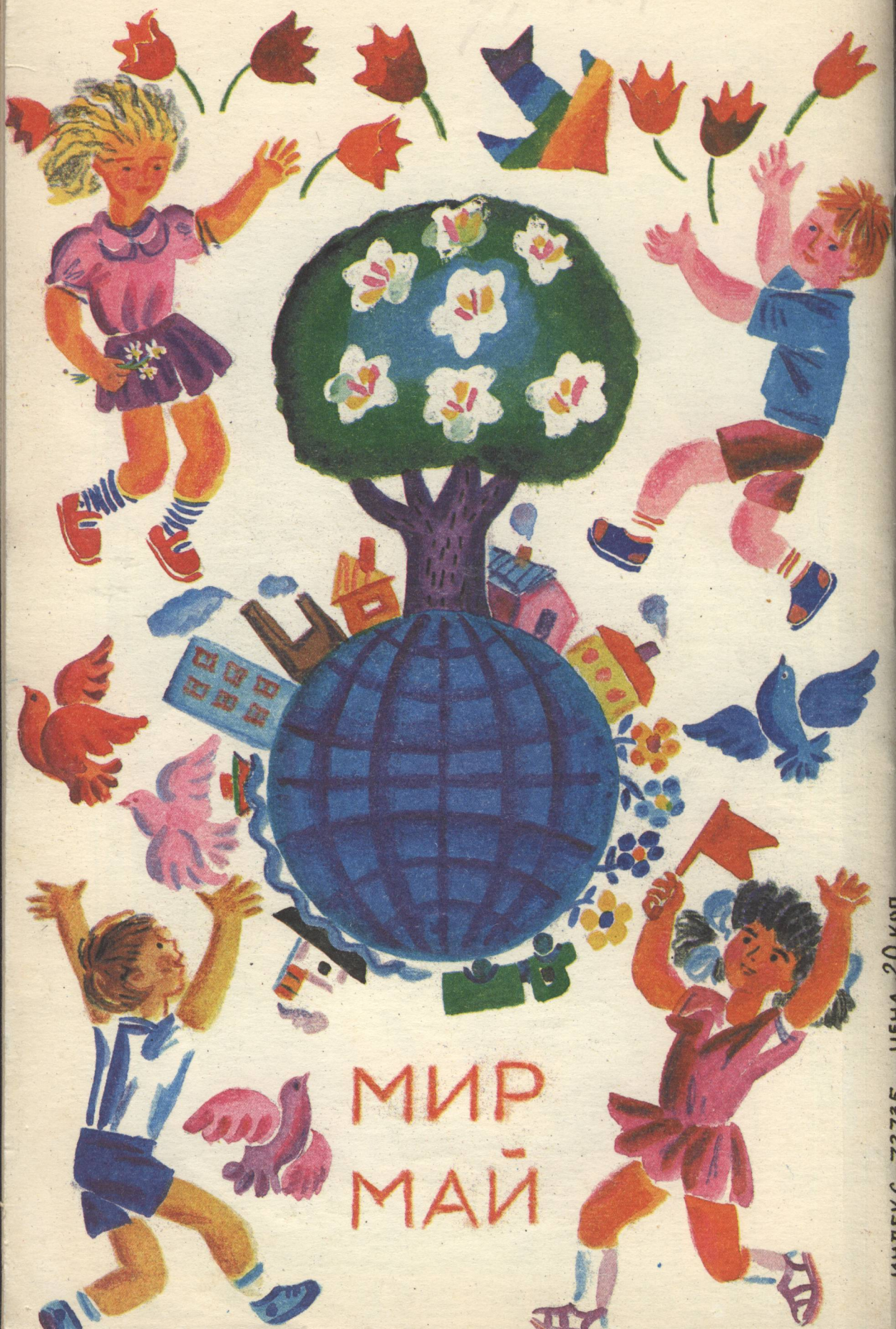

ДАВАЙТЕ
ИГРАТЬ!

сделай сам

сделай сам

МИР
МАЙ